

ДЕМОНЫ БЕЗ АНГЕЛОВ

по следам
громких дел

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

Татьяна Юрьевна Степанова

Демоны без ангелов

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3028105

Степанова Т. Демоны без ангелов: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-55623-6

Аннотация

Подмосковный город Новый Иордан потрясло убийство Марии Шелест. Ее тело обнаружили в Гнилом пруду. Местный розыск сработал оперативно – по горячим следам и свидетельским показаниям сразу был задержан Руслан Султанов, преследовавший девушку и угрожавший ей. Материалы дела уже готовились передать в суд, но тут... священник местной церкви, отец Лаврентий, признался в убийстве. Но от дальнейших бесед и объяснений он отказался наотрез. Это скандал! Полковник Гуцин посылает капитана полиции Екатерину Петровскую на переговоры со священником. Едва приехав в город, она узнает, что почти одновременно с находкой в Гнилом пруду, недалеко от того места, в Ордынском лесу нашли два сильно обгоревших трупа... Катя и представить себе не могла, с каким делом она столкнулась с легкой... нет, нелегкой руки полковника Гуцина. И какие странные и пугающие события впереди!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	30
Глава 5	36
Глава 6	44
Глава 7	57
Глава 8	70
Глава 9	91
Глава 10	100
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Татьяна Степанова

Демоны без ангелов

Глава 1

Триумф любви

25 апреля 1986 года. Припять

Они легли рано этой ночью, но так и не сомкнули глаз почти до утра. В маленькой уютной квартирке, где еще пахло новосельем и не водилось почти никакой мебели, кроме новой тахты, купленной в городском Доме быта.

В эту ночь Тамара постелила на тахту лучшее белье – рижский постельный комплект в голубой цветочек. Они с Анатолием привезли этот комплект из Дзинтари, когда отдыхали там еще не мужем и женой, а женихом и невестой, снимали комнату на взморье. Но они уже тогда знали, что непременно поженятся, как только Анатолию, как молодому специалисту, дадут в Припяти квартиру. Они получили ордер в конце марта и свадьбу сыграли не откладывая – шумную, веселую, молодую свадьбу в городском кафе, куда все гости украдкой под полой пронесли бутылки шампанского, ибо в кафе по случаю «антиалкогольной кампании» не отпускали и...

И медовый месяц в новой квартире, лишенной мебели, взял старт.

И продолжался...

И длился...

И все никак не заканчивался...

Вот и сейчас...

– Томка... Томочка... Томка моя... малыш...

Он, ее муж, задыхался. И она чувствовала его жар и его силу. Ночи, когда они занимались любовью меньше трех раз, они называли голодными ночами. Где-то она читала про голодные ночи, или это он, Толька, сказал... выдал, когда они отдыхали на смятых простынях, или они вместе это придумали.

– Так тебе хорошо?

– Да, да...

– Тебе хорошо?

– Еще, еще...

Подчиняясь ему, растворяясь, тая в его силе и страсти, его твердости, его ритме, она, его жена, уже не могла отвечать связно, а лишь стонала, вскрикивала все громче. Он приподнялся, отстранился, не выходя, двигаясь в ней бешено и сладко, поднял ее ноги и положил себе на плечи.

Они рано легли в эту ночь, но честное слово – и глаз еще до сих пор не сомкнули, никак не могли перестать, оторваться друг от друга. А вроде оба вернулись с работы вечером усталые. Она со стройкомбината. Он с АЭС. На днях

ему предстояла командировка в Киев, в «Киевэнерго». А это означало, что две, а может, три ночи оказались бы такими голодными, одинокими, пустыми.

В свой медовый месяц, когда, по статистике, две трети поженившихся пар грызутся и ссорятся, они не поссорились ни разу, потому что им было некогда. Отдельная квартира, которую они так ждали... Где можно, закрывшись от мира, задернув шторы, вытворять что угодно – смеяться, дурачиться, ходить голыми, не стесняясь, целоваться, падать на колени, опять целоваться, любоваться и трогать... касаться... еще целоваться, пока голова не закружится...

– Руки, руки!

– Ах, какие у нас пальчики...

– Вы наглый и дерзкий...

– Вы такая сладкая...

– Толька, ну нельзя же так все время...

– Пач-ч-чиму?

– Трахаться как кролики...

– А «если это любовь»?

– Любовь до гроба?

Потом они лежали рядом на спине, затем он поцеловал ее в ухо и встал в туалет.

Тамара лежала в темноте. Ей отчего-то казалось, что эту ночь они с Толькой прожили не зря. Будет толк. Когда они кончили вместе, там... ну внутри словно что-то сомкнулось. Тамара ощутила мир и покой. Сложно выразить это словами,

но она чувствовала... нет, почти уже была уверена: эту ночь они прожили, пролюбили не зря.

Из ванной – «санузла совмещенного» – донесся хриплый возглас. Там вспыхнул свет, потом Толька вылетел оттуда, давась смехом, рухнул на тахту рядом с женой.

Начал шепотом объяснять: только зашел туда, меня р-раз что-то по лицу... коснулось... У меня сердце – ек! Мокрое, чудное, словно чья-то рука, свет зажег, а это...

– Пакеты! Это ж наши сумки полиэтиленовые.

Тамара засмеялась. Полиэтиленовые сумки заграничные, на работе Светка Гаврющенко из Польши привезла и по рублю продавала потихоньку. Фирменные сумки – какие хочешь, с «Мальборо» – картинкой, с «Пинк Флойд», с Микки-Маусом. Такие сумки берегли, потому что мода и фирма. Никто их не выбрасывал до самого последнего, пока картинка не сотрется и ручки не оборвутся. Их стирали и сушили, вешали в ванной на веревках.

– В темноте-то... по лицу... я чуть мимо унитаза... чуть не промахнулся, Томк...

– Дурачок, трусишка.

– Ну я тебе сейчас покажу трусишку!

– Нет, нет, давай немножко поспим. Чуть-чуть, сил наберемся...

Она обняла мужа, и он, положив голову ей на плечо, мгновенно (ее всегда забавляла и поражала эта его способность!) уснул. Долговязый и костистый, худой и еще такой молодой,

он напоминал ей младенца, сына, которого пока еще у нее не было.

А она ощущала себя такой счастливой, смятой, как простыни, влажной, пахучей, встрепанной, переполненной до краев. Вспаханное юным пахарем поле, райская птица, сверленная жемчужина, объезженная кобылица... пена морская, удобренная семенем, готовая родить, выплеснуть на берег...

Где-то она все это читала...

Кудрявые фразы... слова...

Надо бы встать и раздвинуть шторы, чтобы первые лучи солнца разбудили и...

А какой завтра день, может, суббота?

Она уснула. И муж ее спал. И когда раздался негромкий хлопок... там, на улице, далеко... и дом, их новый восьмиэтажный блочный дом, окнами на городской парк и аттракционы, вздрогнул, они не проснулись.

Над массивным зданием в районе четвертого блока клубилось черное облако, ночь впитала его. Потом возникло голубое свечение – призрачное, мертвенное, сменившееся белым облаком пара, поднявшимся вверх, закрывшим луну.

На углу возле остановки затормозил автобус, двери открылись, закрылись – ни одного пассажира. Ночь...

Где-то далеко-далеко завывали сирены пожарных машин. Но все эти звуки ночь тоже впитала в себя, как и дым, как и голубое свечение, как и пар, устремившийся к луне.

Тамара проснулась от того, что ей захотелось в туалет. Вы-

скользнула из-под одеяла, стараясь не разбудить Анатолия. Походя раздвинула шторы. Утро, поливальная машина ползет.

Она сходила и вернулась, поняв, даже не глядя на часы, что еще очень рано и если Толька вот сейчас проснется, откроет глаза и увидит ее на фоне окна... Портрет обнаженной на фоне окна... Портрет новобрачной на фоне окна... Семейный портрет в интерьере на фоне...

За первой поливальной машиной по улице ползла вторая, третья, четвертая. Струи воды били фонтаном, омывая не только тротуар, но и стволы деревьев, остановку, стены домов, окна первых и вторых этажей, крышу одноэтажного магазина «Молоко», припаркованные автомобили.

Тамара как замороженная смотрела на этот водный цирк коммунальных городских служб, а потом глянула на небо. В небе среди серых клочкастых туч на том самом месте, где ночью висела луна, паря над городом Припятью, зияла трещина.

Черная и страшная, похожая на оскал, что уродует белую гладь чистого речного льда во время ледохода, трещина.

Стало очень темно. Там, за окнами, или здесь, в глазах, на сердце... Но вот снова, словно испугавшись худшего, зажгли свет, щелкнув выключателем там, на небесах, в «Киевэнерго». Небесная трещина сомкнулась. Крупная птица – галка или ворона, а может, ворон вещий, взявшийся невесть откуда, спугнутый со своих привычных гнездовых, – парила вы-

соко в небе, сначала плавно, словно высматривая новую поживу, а потом неровно, зигзагообразно, будто напорвшись на что-то...

И вдруг камнем сверзлась вниз, разбившись о крышу соседнего дома.

Глава 2

Признание

Наши дни

Свекровь Марья Степановна, колтыхаясь и пронзая палкой половицы пола, вплыла на террасу и скрипучим голосом приказала, чтобы собирали ужин. Галина Шелест отложила книжку, которую она не читала, и выключила маленький телевизор, который она не смотрела, а лишь воспринимала звук.

Смех...

Аплодисменты...

Голос ведущего шоу...

Рекламная пауза, когда все грохочет и мельтешит там...

Там...

А здесь, дома...

– Голубцы с обеда остались, надо доесть, – твердо отчеканила свекровь, – Вставай, не сиди. Я сейчас Филю позову. Филя! Фи-иля!

Голос зычно разнесся по дому, врываясь с террасы на второй этаж сквозь все закрытые двери в мастерскую мужа. Галина встала и пошла на кухню. Вот ведь свекровь, в чем душа держится, хилая, два инсульта, а голос... Контральто, сорок лет службы в хоре Большого театра за плечами, не в со-

листочках, а «у воды», как там говорят про хор и массовку.

А когда девочку хоронили... нашу девочку Машу хоронили, то она, свекровь, ни слезинки здесь, дома... И на кладбище не ездила по причине немощи. И «Скорая» ей тут, дома, не понадобилась. И паралич ее, змею, не расшиб. Неужели никакого горя в ее сердце? Или в таком возрасте уже все атрофируется, склероз?

– Ты должна не сидеть, а делать, делать что-то, делать. – Словно подслушав ее мысли, свекровь Марья Степановна преградила ей дорогу, стуча палкой. – Так и с ума сойти можно – в ящик пялиться целый день. Оля звонила?

– Да, она каждый день сейчас звонит, спрашивает, как мы.

Оля – это старшая дочь. Ей уже тридцать два, она давно замужем – вышла за голландца и уехала, живет в Гааге, муж – водитель-дальнобойщик, лучшей партии там, за бугром, не нашла, это с Суриковским-то училищем, с талантом. Двое детей, талант побоку, домохозяйка, русская жена. И на похороны сестры, младшей Маши, она приехать не сумела. Плакала, правда... горько плакала в трубку, но так и не приехала на похороны.

– Передай ей, как позвонит, что я ее... – свекровь Марья Степановна опять, словно угадав мысли Галины, запнулась, – люблю. Не осуждай ее, там свои порядки, муж. Она ж у него на иждивении.

Когда-то давно этот вопрос об «иждивении» стоял ребром и в их семье. Когда они поженились и появилась старшая

Ольга и когда они покупали этот вот дом и этот участок. Мужу Филлиппу Семеновичу – скульптору, тогда уже признанному мастеру – нужна была просторная мастерская. И квартира им тоже требовалась позарез, потому что в коммуналке на Ордынке, где он проживал в двух тесных комнатенках с матерью-хористкой, с маленьким ребенком, – не то что лепить, ваять, а и повернуться...

Какие-то деньги появились, и решили купить этот дом – вот здесь, тогда еще в подмосковной деревушке. А сейчас тут... все застроено, уж и не разобрать, где город, где пригород. И дом они потом сколько лет доводили до ума, расширяли; как какой гонорар, лишняя копейка, так все в тес, в рубероид, в кирпичи, в эту вот печь с камином, обложенную изразцами. Вопрос об «иждивении» в те времена воинственно поднимала свекровь: мол, я работаю, все еще пою, и ты, Филя, сынок, работаешь как вол, выставляешься, заказы берешь – любые, хоть по призванию ты – скульптор-анималист от бога. А вот Галина твоя...

Потом родилась Маша – младшая. И свекровь умолкла. И Филипп бросил пить. И долго в рот ни капли не брал. Но вот после похорон дочери... нет, когда там, в пруду, нашли ее тело, ее бедное истерзанное тело...

Нет, нет, тут он еще держался. Подставлял даже ей, жене своей, плечо свое, потому что она в тот момент была никакая, не помнила ничего, не воспринимала мир – краски, звуки, запахи, всю эту божественную прелесть и разнообразие.

Они вместе ходили по вызову следователя в морг на опознание тела и в прокуратуру тоже. А потом задержали убийцу.

После этого Филипп Шелест, муж ее, с которым они прожили так долго, снова и запил. И все эти месяцы он...

– Пил сегодня? – спросила свекровь.

– А то вы сами не знаете.

Со вчерашнего дня мусор на помойку не носили, если открыть ведро и глянуть, сколько там водочной тары порожней...

– Ну хотя бы он работает. Вот только работу бы не запорол пьяный. Филя! Спускайся! Ужинать!

Свекровь для пущей остротки постучала клюкой своей по перилам лестницы на второй этаж. Почти всю площадь там занимали мастерская и комната Маши, которую она превратила в свою собственную мастерскую. Она ведь тоже окончила Суриковское училище и имела талант. И даже получила свой первый заказ на роспись новой церкви. А этот подонок... этот мясник... убийца...

И ведь он же приходил к ним домой. И с Павликом, и потом, когда тот погиб, приходил один.

В первый момент, когда стало известно, что его арестовали и что это он убил Машу, возникло такое чувство... вот здесь, где сердце... Галина, стоя у плиты, на которой разогревался сотейник с голубцами, прижала руку к груди. Взять бы пистолет и прийти туда к ним в изолятор, где он сидит... мясник, подонок. И всю бы обойму прямо ему в лицо, в гла-

за, в живот.

Но где достать пистолет? И где сил взять? И муж, Филя, не отомстит за смерть дочери. Это только там у них на Кавказе до пятого-шестого колена – кровная месть. И это правильно, и это так и должно быть, потому что горе... горе матери жгуче как пламя, горе всей их семьи...

– Ужин готов, что ли?

Она услышала голос мужа за спиной и обернулась.

Готофффф... И вы тоже готофффф... Выпимши, поддавши... В неопрятной бороде, в старых вельветовых домашних штанах, линялой футболке. Нос в красных прожилках, брови как черные запятые.

Муж-скульптор... Когда она девчонкой-студенткой выскакивала за него замуж, уже беременная первенцем, все казалось так романтично. Муж-скульптор, две работы проданы в Америку, выставляется регулярно... Купим дом в деревне и превратим его в усадьбу... Мастерская... друзья-художники... посиделки, книжки Довлатова в самиздате... Толстые прогрессивные журналы... демократические веяния...

Но все оказалось гораздо прозаичнее, беднее и скучнее.

Нехватка денег и вечная за ними погоня.

И заказы... Талант скульптора-анималиста тут, признаться, выручил. Стало модно ваять медведей! Бронзовые скульптуры «мишек» пользовались бешеной популярностью – их покупали даже для городской администрации и партийных штабов. И муж ее лепил этих самых «русских медве-

дей». А еще орлов.

О да! Орел, клюющий змею, орел, сидящий на скале, орел, расправивший крылья...

Почти в каждом чиновничьем кабинете торчали эти самые «орлы, расправившие крылья». Их дарили на юбилеи и дни рождения, при назначении на новую должность, их любовно покупали, заказывая по Интернету.

А ее муж Филипп их лепил, ваял, а потом отливал аккуратненько в бронзе.

Вот и этот большой заказ на семь тысяч долларов. Он получил его сразу после гибели Маши... После того, как ее убийцу задержали.

Орел в виноградах.

Отчего это? Почему в виноградах? Но так заказчику захотелось: фонтан садовый бронзовый в виде орла среди виноградных гроздей – символ могущества и процветания.

А если смерть все взяла? Все забрала с собой туда из этого дома, не оставив ничего, кроме...

Ее рисунков, набросков, фресок.

И этих вот голубцов...

– Подгорели? – спросил муж Филипп.

– Кажется. Я не уследила.

– Пустяки.

– Садись за стол.

– Я только в ванную, умоюсь маленько.

– Там в холодильнике баранина... Доешь?

– А то. Слышишь, чего это собака лает?

Он прошел в ванную мимо нее. А она вышла с кухни на террасу, открыла дверь во двор.

Сад, август, рябиновые грозди над забором. Все заросло. Клумбы все в траве, но на грядках с огурцами – порядок. Кто бы сказал ей раньше – ее дочь зверски убили, а она... трех месяцев еще не прошло, а она уже солит огурцы на зиму и консервирует помидоры.

И плачет...

Плачет все реже, реже...

Вот и сейчас, когда бешеным лаем заливается Кунак, их черный как уголь маленький пес, нет, ее, Машин, песик, которого когда-то ей подарил на день рождения Павлик – ее жених, и он... Руслан, его лучший друг, ее убийца.

В сумерках летнего вечера Галина Шелест увидела, как маленький, отчаянно храбрый песик вьется, рыча, у самой калитки. Кто-то чужой там, за забором. Она спустилась, поймала собаку за ошейник, и песик тут же затих. Она открыла калитку и увидела человека в расе.

Она сразу его узнала – отец Лаврентий. Этот молодой священник из церкви. Они давно не виделись, с тех самых пор, как пропала дочь. Нет, с тех самых пор, как ее тело нашли в Гнилом пруду.

– Это кто там к нам? – раздался с крыльца пьяный голос мужа. – А, батюшка... его святейшество, или как там вас величать. С утешением скорбящих. А я не нуждаюсь, слышите

вы?

– Извините его, отец Лаврентий, – Галина Шелест шире открыла калитку – Проходите.

Она смотрела на него. Он был высок и молод. И борода у него не росла, даже пух не покрывал юношеские щеки.

– Я пришел вам сказать... – Он смотрел на нее. И более внимательного, пристального, изучающего взгляда ей не доводилось видеть ни до, ни после.

– Да что же вы на пороге-то, проходите, пожалуйста.

– Я пришел вам сказать... – он шагнул к ней. И что-то изменилось в его лице – не улыбка, не гримаса, не судорога и не боль. Что-то еще, что ей опять же не доводилось никогда видеть в жизни, – ведь это я тогда убил вашу дочь.

Глава 3

Поручение

День представлялся убийственно скучным: совещание в главке. Это означало всеобщее нудное бдение в актовом зале на пятом этаже и затылки, затылки, затылки. Катя – Екатерина Петровская, по мужу Кравченко, капитан и криминальный обозреватель пресс-службы подмосковной полиции, – обычно на совещаниях сидела в последних рядах – так всех выступающих с мест хорошо видно и не надо вертеться, оборачиваться, знай строчи в свой репортерский блокнот.

Почти все начальники, прибывшие в главк из районов, облачились в мундиры, в штатском почти никого не было. Нет, вон там, в середине, в третьем ряду, где густо усижено дюжи-ми полицейскими, маячит круглая как бильярдный шар, лысая голова. Шеф криминальной полиции полковник Федор Матвеевич Гуцин, вернувшийся из служебной командировки из Амстердама, где он так настойчиво и въедливо изучал заграничный полицейский опыт.

А то нам своего опыта не хватает! Своими мозгами жили и дальше как-нибудь...

Это с присвистом «охо-хо» присвистел шепотом сосед сбоку. Катя встрепенулась: с совещательной трибуны бубнили как раз про «новый опыт работы». И она трудолюбиво на-

чала фиксировать в блокнот. Слова, слова, слова...

Кислое какое настроение что-то у всех. Никакой радости в глазах. Всего полчаса назад она, Катя, в преддверии большого совещания у себя в кабинете с упоением красила розовым блеском «Шанель» губы и вертелась перед маленьким зеркалом, оглядывая свой, как ей представлялось, безупречный черный брючный костюм (она была в штатском). Но никто из знакомых не улыбался и не говорил ей комплиментов. Все деловито и насупленно проходили в зал и рассаживались, а сейчас так же насупленно и сонно смотрели на трибуну и стол президиума.

Вообще это лето какое-то сумбурное. Очень много разных перемен и преступлений что-то тоже слишком много. И каких! Кате казалось, что ее верный маленький друг-ноутбук распух от фактов, таких потрясающих интересных фактов. Вот бы взять и выдать это все на-гора. Но времени, времени нет. И на себя, любимую, тоже времени совершенно не хватает. Вот уж совсем было собралась в отпуск...

К мужу...

За рубеж...

Разводиться...

Впрочем, это какая-то бесконечная история. Муж – Вадим Андреевич Кравченко, именуемый на домашнем жаргоне Драгоценным В.А., вот уже сколько месяцев проживающий и путешествующий за границей в качестве начальника личной охраны своего работодателя олигарха Чугунова – по-

жилого, безмерно больного, капризного как дитя и все больше относящегося к своему начальнику личной охраны как к родному сыну (вот странность-то, а?) по мере ухудшения самочувствия... Короче говоря, муж в разводе категорически отказал. Категорически!

И не приставайте ко мне с этим.

И не звоните даже по этому поводу.

Нет, нет и нет.

Не дам.

Что, Катька, свободы захотела?

А если сама там, в Москве, подашь на развод – застрелюсь сей же секунд.

Катя в это, конечно, не верила – в это самое «застрелюсь». Если бы он звонил, надоедал, клялся – «вот увидишь, застрелюсь!». Но Драгоценный молчал как рыба. Сказал раз – и словно отрезал. И Катя хоть и не верила ни на грош, но все равно в глубине души страшилась.

Боязно...

Хоть бы там, за границей, девицу себе какую-нибудь завел, тогда бы...

А то нет у него там девиц, можно подумать!

Это я тут только службой полицейской занята. Все работаю, работаю. Можно подумать, что он там, в клинике в Кельне у постели работодателя, только и делает, что сидит, сказки старику вслух читает.

Хоть бы позвонил.

Дождается, чтобы я первая...

Не дождется.

У Кати тут на совещании отчего-то вдруг зачесались глаза. И крохотная предательская слезинка... А генерал с трибуны бу-бу-бу... Совещаетесь все, планы борьбы с преступностью на перспективу строите, а здесь личная жизнь разваливается на куски. И делать-то что не знаешь... Ну, положим, во многом она сама виновата. Доля вины во всем этом и ее тоже есть, но...

Хочет, чтобы я первая позвонила. Ну позвоню. А что он скажет? Во-первых, возомнит о себе сразу бог знает что. Перья распустит как павлин, это ж Драгоценный. Во-вторых, скажет: бросай все... О, как в фильме: бросай все, я твой, и... бери визу, мчи ко мне. В Кельн, Баден, а потом... потом куда с полуживым работодателем Чугуновым? Куда врачи старика пошлют? И кем мы там, сладкая парочка, будем? Прислужгой?

А работа... служба... работа моя как же?!

– Екатерина, здравствуй. Подросла ты, что ли, еще или опять похудела?

Катя снова встрепенулась – ага, совещанию-то капут! Наконец-то! И как все оживились сразу. Поднимаются, говорят, шутят. На этот раз обошлось – никого не сняли из начальства, никого не турнули. И Гущин – старый добрый полковник Гущин вернулся из Амстердама, ждет ее в проходе.

– Здравствуйте, Федор Матвеевич! Это я на каблуках.

Катя глянула: Гуцин-то словно меньше ростом стал. Отчего так бывает, когда кто-то возвращается после долгого отсутствия из стран заморских? Загар темнее, потолки ниже, коридоры уже, а эти вот морщинки-лучинки в уголках глаз...

– Екатерина, дело у меня к тебе. Поручение, даже два поручения. Зайди минут через двадцать ко мне.

Краткие минуты ожидания Катя провела с пользой – «забила» часть информации по совещанию в компьютер и... и, естественно, снова вертелась перед зеркалом, подкрашивая блеском «Шанель» губы. Затем придирчиво проверила, не появились ли от солнца веснушки на носу. Потом показалось, что туфли жмут – новые, и она сняла их под столом, но тут же снова надела.

Пора. Начальник криминальной полиции вызывает сам (самолично!) криминального обозревателя пресс-службы. Это достойно занесения в красную книгу редкостей. И наверное, дело того стоит.

Чувствуя сладкий вкус блеска на губах, ласточкой беспечной летя по коридорам подмосковной полиции, Катя и представить себе не могла, с каким делом столкнется с легкой... нет, нелегкой руки полковника Гуцина.

Какие странные, пугающие события впереди!

– Как Амстердам, Федор Матвеевич? – спросила она светски, заходя в кабинет Гуцина.

– Глаза б мои его не видели. Но сначала понравилось. Они там особо не церемонятся. Чуть что – за дубинки... Вежли-

вые, но заводятся с пол-оборота, моментально. Что-то как-то все чужое. Черт с ним, с этим Амстердамом, – Гущин кивнул на стул в самом начале длинного совещательного стола. – Дело у меня к тебе важное. Только приехал, думал, отдохну маленько, а тут муть эта двойная. Прямо несчастье на мою голову.

– Несчастье?

– Погоди, об этом потом, это второе у нас на очереди, – Гущин говорил как-то странно, путано. – Сначала про дело. А то второе из первого логически вытекает.

«Что из чего вытекает?» – удивилась Катя.

– Вас ведь этому специально учат.

– Чему, Федор Матвеевич?

– Ну разговаривать, язык общий находить с разными там представителями... общественных пластов, то есть организаций. Фанаты футбольные, рехнешься с ними... И с этими дундуками из объединений, из партийных штабов. И с попами, муллами, раввинами... То есть служителями культа.

– С представителями церкви? – спросила Катя.

– Да, да, с ними.

– У нас же Управление по связям с общественностью, мы обязаны...

– Умешь ты это – языком чесать, ловкие слова всякие знаешь, читала много. Понимаешь, с ним допрос обычный, нормальный не проходит. Молчит, вроде обет какой-то дал... Молчит! А допросить, побеседовать с ним мы обяза-

ны. Потому что все дело из-за него встало. И разваливается прямо на глазах. А дело крепкое, раскрытое полностью, расследованное, доказанное. Его уже в суд пора направлять.

– Федор Матвеевич, я ничего не понимаю, простите.

– Двенадцатого июня в пруду у железнодорожного переезда в Новом Иордане обнаружен труп Марии Шелест – двадцать четыре года, дочка скульптора, лауреата всяких премий. Живут они там же, в Новом Иордане, еще в конце семидесятых дом деревенский купили и построились крепко. Насколько я знаю, обнаружили тело быстро, с момента смерти менее суток прошло, и розыск местный новоиорданский сработал хорошо – по горячим следам и по свидетельским показаниям сразу задержан был некто Руслан Султанов, там же проживает, в этом районе, в поселке Динамо. Он знакомый девушки и домогался ее, угрожал. Свидетельская база хорошая, все подтверждено. Хотя тело в воде пробыло и недолго, но экспертам там особо не развернуться, сама понимаешь. Так что все на свидетелей ложится целиком. Все допрошены, очные ставки проведены. Султанову уже обвинение предъявлено в убийстве, и он сам сейчас на психиатрической экспертизе в Чехове, в больнице Яковенко. Сегодня-завтра его бы привезли, ознакомили с делом и все материалы направили бы в суд.

– А он сознался в убийстве? – спросила Катя.

– Нет, – Гушин глянул на Катю, – черта лысого нам в его «сознанке». Там и так все ясно, он ей угрожал неоднократно,

домогался, чтобы она замуж за него шла. А девчонка, видно, уперлась.

– Так в чем проблема, если все и так ясно?

– Звонят мне сейчас из Нового Иордана как раз перед со-
вещанием. Вчера вечером к родителям этой Марии Шелест
прямо домой заявляется некто Лаврентий Тихвинский. Свя-
щенник местной церкви отец Лаврентий. И объявляет роди-
телям, что это он убил девушку. Там все в ступоре сначала,
потом в ужасе... Затем в ОВД прямо среди ночи помчались.
Такое заявление от родителей убитой – и мер нельзя не при-
нять срочных... Ну, выехали наши, отца Лаврентия этого за-
держали. Хотя всем ясно, что все это бред... Признание он
свое повторил, а от дальнейших бесед и объяснений отказал-
ся наотрез. Ночь просидел в изоляторе, а утром... Началь-
нику иорданского розыска из приемной архиепископа зво-
нят: в чем дело, что произошло? Начальник иорданского ро-
зыска мне звонит. А потом звонок из управделами Патриар-
хии. В общем, скандал. И если срочных мер не принимать
для разъяснения ситуации, этот скандал до таких масштабов
разрастется, что... У меня к тебе поручение, раз вас специ-
ально учат с представителями культа общий язык находить,
вот ты и поезжай в Новый Иордан, от Москвы это рукой по-
дать, места дачные, красивые. Поезжай потолкуй с этим от-
цом. Уговори его. Что ему в голову взбрело, в конце-то кон-
цов? Что за бред такой это его признание в убийстве?

– Хорошо, я завтра же поеду, только вы предупредите

местный розыск.

– Не завтра, а сегодня. Сейчас. Пообедаешь и дуй туда. Минуты лишней терять нельзя. Ты меня поняла?

– Ну хорошо. Это все?

– Я тебе машину дам с шофером добраться. И еще... Там, в Новом Иордане, по ходу дела, возможно, напарник тебе потребуется... ну помощник. Так вот Федор... тетка, значит, мой... м-да... Федор Басов, только ты и с ним постарайся общий язык найти. Ему полезно будет... а тебе помощь.

– В каком он отделе работает? – спросила Катя

Тут прямо на глазах лик полковника Гущина изменился – в суровых чертах мелькнуло что-то страдальческое, даже плаксивое!

– Работает, – процедил он. – Не работает он уже ни хрена ни в каком отделе, не взяли его в полицию. Аттестацию, дурак, внеочередную не прошел.

– Но, Федор Матвеевич...

– В супермаркете он теперь местном на стоянке охранником. Я, я лично из Амстердама звонил, устраивал.

Катя с любопытством уставилась на Гущина: полковник, что за тон у вас?

– Взятка? – спросила она. – Его из-за взятки?

– Какая взятка... да я б ему руки с корнем... ничего он не брал, не приучен, с психологом они на аттестации поспорили, сцепились. Записали ему там, в аттестации, что «неадекватно воспринимает вопросы службы», мол, завихрения.

Катя лишилась дара речи. Завихрения? Такого напарника ей прочит полковник Гущин?

– Все ему припомнили... драку, когда они массово схлестнулись, он там вроде как дерущихся разнимал, ну а потом за пистолет схватился. Герой недобитый, идиот, – Гущин начал сердиться всерьез. – Сколько раз сказано было... Теперь вот в полицию пролетел. А ведь это он тогда по горячим следам подозреваемого Султанова, ну кавказца-то этого задержал. Так что дело он это досконально знает. И помощь тебе окажет существенную.

– Со стоянки супермаркета? – усмехнулась Катя. – Нет уж, я лучше сама.

– Пожалуйста, очень тебя прошу. Обратись к нему, – Гущин смотрел на Катю. – Ему это полезно будет. Что-то вроде... ну, милостыню когда-нибудь подавала?

– Я вас не понимаю.

– Тому, кому позарез надо. Пожалуйста, ради меня, – щеки Гущина внезапно побагровели. – Герой недобитый... Черт... Вот адрес супермаркета, спросишь... а вот домашний их адрес с матерью. Там он живет, в Новом Иордане. Холостой он.

Катя молча взяла адрес. Она быстро пообедала в главковском буфете, а когда спустилась во внутренний двор, прихватив на всякий случай свой ноутбук и репортерский блокнот (дело-то вроде как сенсационное, хотя и кажется жутко скандальным), увидела черный джип полковника Гущина и

шофера Макеева, который просто объявил, не боясь тавтологии:

– По распоряжению Федора Матвеевича я весь день в вашем распоряжении.

И Катя с комфортом, как царский гонец, отправилась в этот самый Новый Иордан.

Глава 4

Недобитый герой

Вроде как до фига работал сегодня – свою ночную смену отпахал, да и дневную – напарника заболевшего. Вроде и устал как собака. Вроде и с работы новой шел, как в старинном фильме шахтер из забоя. Грудью могучей вдыхая аромат наступающих сумерек.

Но сердце...

Сердце в могучей груди мозжит.

Все мозжит, проклятое, неугомонное, как тронутый кариесом зуб во рту.

Федор Басов – в прошлом лейтенант Новоиорданского ОВД, а ныне сотрудник службы охраны торгового центра «Планета» – вернулся с работы домой. Мать дома не застал, вечерами она у приятельницы в соседнем подъезде лясы точит, а там кто ее знает. Ужина на плите подогретого тоже не обнаружил. И, скинув форменную черную рубашку охранника с нашивками, прошел в ванную.

На правом бицепсе синела, алела, переливалась всеми цветами радуги новая татуировка. Побаливала, зараза. Татуировался он у знакомого пацана, работавшего в тату-салоне при «качалке». Горячую воду все еще не дали – летний ремонт труб, и пришлось встать под ледяной душ.

Сердце под жгучей струей екнуло и зашлось. Вроде и пахал сутки как вол, вроде и устал, и шел домой, словно чумазый шахтер из забоя...

Квартира, где обитал он с матерью, – двухкомнатная и тесная – тонула в хаосе и беспорядке. Вымывшись, Федор Басов нашел в холодильнике котлеты на сковородке, оплывшие жиром, малосольные огурцы. Потом пошарил в бельевом шкафу, сгреб с полок грязное белье и запихал, утрамбовал все в старенькую стиральную машину. Включил.

Затем сел за стол есть.

Но сердце... предатель...

Извлек из холодильника бутылку пива, странно, как это мать ее пропустила? Не прибегая к помощи открывалки, пальцами скovyрнул пробку и с первым горьким глотком вспомнил Новоиорданский ОВД.

На правом бицепсе все еще саднила новая татуировка.

Часы на кухонной стене дернули стрелками и встали.

Он глянул на них – как там учит великий мастер Чин Ли? Если собрать всю свою волю и всю энергию и представить все это в виде оранжевого сгустка... точки... Вот она концентрируется, концентрируется... вот она, эта точка, оранжевая, уже на самом острие... на кончике твоего клинка и...

Чертовы часы, как висели, так и остались висеть. И стрелки с места не сдвинулись. Пиво кончилось. Котлеты кончились. Федор Басов сгреб с тарелки малосольный огурец и, хрустя им, словно соленой карамелькой, снова вспомнил Но-

воиорданский ОВД.

А потом всплыла картина. Эх, был бы писатель, озаглавил бы видение – «Мое последнее дело». Нет, лучше «Последнее дело полковника Басова». Умирать... то есть что это я говорю... увольняться лучше всего полковником... Хотя и это тоже без разницы.

Меланхоличный такой пейзаж вырисовывался из предрассветного тумана – темный пруд весь в ряске, трухлявые осины, склонившиеся над водой; вот, кажется, рухнут, но не падают, стоят, впившись корнями в черный ил. Сырость такая невозможная. Воздух пропитан влагой, это потому, что дождик всю ночь сеял. А это для работы экспертов еще хуже, чем ливень. Нет, ливень, пожалуй, хуже... гораздо хуже... Капли на ветках, и под ногами чавкает, а если назад обернуться, сквозь деревья виден переезд и красный огонь на семафоре – товарняк ждут. И вот, грохоча, он проходит мимо. И в предрассветном тумане снова повисает тишина. А там, в пруду...

Он кинулся в пруд в чем был, бросив мотоцикл под березой, – в кожаной куртке, в ботинках, даже не сняв мотоциклетного шлема. Схватил ее на руки и поволок из воды.

Как же орал на него потом приехавший из главка вместе с опергруппой эксперт-криминалист Сиваков! Орал, даже ногами топал: кто тебя просил туда лезть, в воду за трупом? Чему тебя учили? Оцепить, осмотреть, доложить, ждать – следователя и экспертов.

Но ведь... а если бы она оказалась еще жива?

Нет, куда там жива. Едва он увидел с берега это на середине Гнилого пруда... Ее убили и бросили в воду. Но там неглубоко и на дне – здоровая коряга, и тело зацепилось.

Как-то дико было смотреть с берега на ноги... голые ноги, торчащие из воды. словно кто-то нырнул и ему не хватило воздуха, чтобы вынырнуть.

Лицо у нее было все разбито...

А у тех, других... у них лиц вовсе не имелось. Черный уголь и жуткая вонь, которую не смог смыть, уничтожить дождь, начавшийся в тот вечер и продолжавшийся ночью. Эти двое были найдены на следующие сутки в лесу недалеко от просеки. Смерд сгоревшей плоти и бензина. Два неопознанных трупа. Эксперт Сиваков осматривал все там уже сам: кострище, обугленные черные черепа.

И там что-то было не так в этом лесу у просеки. В сумраке среди мокрых стволов и корявых ветвей, где так беспомощно и хило метались в полном беспорядке желтые пятнышки карманных фонарей членов опергруппы. Вот там уж никакой меланхолии в пейзаже не наблюдалось. Под дождем в ночном лесу...

Это как в детстве пацаном, когда впервые читаешь «Робинзона Крузо», когда он идет по берегу и наталкивается на потухший костер, а в нем тоже останки...

Человеческие кости, каннибальское пиршество.

В темном, темном, темном лесу...

Это второе дело так до сих пор и не раскрыто. А то пер-

вое с трупом в пруду раскрыл лично он. Подарок родному ОВД перед увольнением – задержание по горячим следам. Как только он узнал ту девушку в пруду, то сразу же... Да все, все, все пацаны с Канатчиков, с рынка, с поселка Динамо про это знали. Ту печальную историю про невесту и разбившегося жениха. И про этого Султанова.

И пока эксперт Сиваков с бригадой экспертов осматривал кострище с останками в глухом лесу, пока следователь Колька Жужин что-то там рассказывал по мобильнику начальству, он, он, он – Федор Басов лично – все взвесил, поехал и задержал тоже лично. Один на один.

Никто даже спасибо не сказал.

А потом и вообще...

А так хотелось, ведь так мечталось – сражаться и защищать. Раскрывать, задерживать и... стрелять метко. Ну это только по необходимости... При попытке побега...

Готов – слышите вы все, – готов сражаться со злом, защищать мир, даже умереть во имя. Но первое и второе, видно, никому не нужно. Остается третье.

Федор Басов глянул на пустую бутылку пива. Пивка на дорожку выпили... Хорошо, что матери нет. Вот все как-то и складывается. Султанов этот сидит, последнее дело «полковника Федора Басова». Потом, конечно, когда речи станут произносить прощальные над гробом, поправят – лейтенанта Басова, но это уже не важно, не ради почестей и славы. Ради справедливости и порядка. На том стою и не намерен

это скрывать. И плевать, что вы там в этой вашей аттестации про меня пишете.

А идите вы все от меня на...

Федор Басов пошел снова в ванную, где утробно гудела старенькая стиральная машина, и, нагнувшись, достал пистолет, хранившийся в коробке из-под стирального порошка. Травматика, переделанная под стрельбу боевыми. Хреновая пушка, из такой красиво застрелиться нельзя.

Он посмотрел на себя в зеркало, достал расческу с полки и причесался – вот так. Потом сунул дуло травматика в рот.

Все произошло мгновенно. Боль звезданула такая, что он, казалось, на мгновение оглох и ослеп. А потом понял, что это не выстрел – это трезвонит настойчиво и дерзко звонок входной двери. А дуло пистолета резким решительным жестом ткнуло прямо в ноющий, тронутый кариесом зуб.

Звонок входной двери не унимался. В дверь кто-то настойчиво стучал, требуя помощи и защиты.

Кто же это такой хмырь настырный?

Глава 5

Ребенок больной, ребенок здоровый

Оксана Дмитриевна Финдеева стояла у окна и смотрела в сад. Какая же благодать там среди травы, розовых кустов, молодых японских кленов, предчувствующих скорую осень. Как хорошо оказаться дома, пусть даже дом этот – просторный правительственный коттедж – казенный. Как хорошо оказаться дома, среди своих.

– Есть! Давай есть! Давай есть!! Давай есть!!!

Вопль потряс дом, разом сломав, разрушив все. Эту хрупкую тишину августовского полуденного сада, эту идиллию.

– Женя, не кричи. Женя, пожалуйста, перестань.

Голос няньки-сиделки настойчивый и мягкий. Никакого повышенного тона, никакой раздраженности. Это главное условие, когда няньку-сиделку из детского коррекционного центра брали в дом ухаживать за шестилетней дочерью Женей. «Вам потребуется адское терпение, вы понимаете? Кричать на девочку категорически запрещается». Нянька-сиделка подписала договор не глядя – еще бы, такая зарплата и в перспективе месяцы житья за границей в Германии в детской клинике для умственно отсталых детей профессора Кюна. Но приглашение няньки-помощницы не снимало с Оксаны

Дмитриевны никаких обязательств.

Они уехали к профессору Кюну в клинику в июне, а вернулись только вчера. Франкфурт, самолет, аэропорт Шереметьево, Новая Рига, поворот на шоссе и этот коттедж в Новом Иордане, предоставленный мужу Михаилу Финдееву, как только он занял пост председателя думского комитета по обороне.

– Давай есть! Давай есть!! Давай есть!!

Ребенок... трудно было сразу догадаться, что эти крики... эти вот дикие крики издает шестилетняя девочка в розовом комбинезоне и вечных памперсах. Клиника и прославленная на весь мир методика доктора Кюна помогли слабо. Судя по этим воплям.

«Да заткните же ее! Пусть она прекратит, перестанет, пусть уймется!»

Это так хотелось крикнуть, но Оксана Дмитриевна не разомкнула уст, она отвернулась от окна, потерла виски,глянула на мирный сад, утопающий в зелени, и пошла в детскую.

Там она обняла дочь, заходившуюся в крике, наклонилась и поцеловала ее в светлые волосы, прижала к себе маленькое тельце, заключенное в специально сконструированный «стул» – вроде тех, на которые сажают младенцев: с ограничителем и подставкой для ног, на колесах и побольше.

Почувствовав мать рядом, девочка умолкла. Первый совет профессора Кюна – важен тактильный контакт, это дает чувство защищенности, снимает стресс.

У больного ребенка. А у матери... Оксана Дмитриевна никогда не позволяла себе плакать в присутствии Жени.

А вот в присутствии старшей дочери, восемнадцатилетней Марианны, которую все с детства звали Шуша, и в присутствии мужа она плакала очень часто. Вчера, когда муж встречал их в аэропорту... Ночью, когда после долгой разлуки у них с ним ничего не получилось в постели.

– Ну-ну, Ксюш, что это у тебя глаза на мокром месте.

Муж басил это за завтраком, глядя на нее виновато и сочувственно. А во дворе уже ждала служебная машина. И старшая Шуша с упоением рассказывала о том, что в частной школе искусств вот уже с середины августа у них идут занятия – актерское мастерство, дикция, художественная гимнастика, танцы, основы современного балета. Многие ведь готовятся с началом нового сезона проходить кастинги в мюзиклы и танцевальные шоу, а она... Она пока не решила, куда хочет, ей просто нравится в школе искусств, не то что в обычной школе.

Школа искусств не давала никакого образования и диплома, но с этим Оксана Дмитриевна и ее муж смирились. Потому что у их старшей дочери всегда были огромные проблемы с учебой. Что там говорить... она не сдала ЕГЭ. Нет, нет, вопрос об отсталости в развитии никогда не поднимался. Этот ребенок... старший ребенок... Шуша... она абсолютно здорова. А проблемы с учебой, особенно в выпускном классе, кто их не имеет. Правда, почти все сдают ЕГЭ, а она

– дочь председателя думского комитета по обороне, несмотря на всех нанятых репетиторов, на экзаменах «растерялась и все, все, все, все забыла, папочка-мамочка».

В конце концов, свет клином не сошелся на институтах и дипломах, было бы здоровье и счастье... и красота, и молодость. Всего этого Шуше хватало в избытке. Оксана Дмитриевна заставляла себя верить, что у ее старшей дочери все сложится, все образуется со временем. А пока пускай увлекается танцами, этим современным балетом, кастингом в мюзиклы. Пусть танцует, это развивает тело, может, не слишком развивает ум, зато дисциплинирует, держит в форме, не дает жиреть.

Оксана Дмитриевна осторожно отстранилась от младшей дочери. Женя смотрела прямо перед собой, молча шевелила губами. На губах вскипали пузыри.

Ну откуда, скажите... ну отчего, отчего она родилась такой? Тысячи раз Оксана Дмитриевна задавала себе этот вопрос. Да, они с мужем не планировали и не хотели второго ребенка. Да, она предохранялась, но что-то там не сработало. И она забеременела. Генетика виновата? Возраст? Ей исполнилось тридцать девять, когда она забеременела, некоторые и позже рожают вполне здоровых детей. Они с мужем практически не пили алкоголь. Может быть, эта их поездка сказала в Камень Белый, где муж – тогда еще сотрудник аппарата президента – инспектировал военные объекты Севера, в том числе и тот полигон по захоронению ядерных от-

ходов. Радиация? Но там же безопасно, там две военные базы, доки подводных лодок, там люди живут и работают годами, и у них тоже нормальные дети. А у нее родился больной ребенок.

Бедная моя девочка...

– Есть! Дай есть! Дай есть!!

Все началось снова. Эти крики. Шестилетняя Женя все сильнее раскачивалась на стуле – взад-вперед – и била ладошками по столу.

– Дай есть!!

– Успокойте ее, я больше не могу это слышать. Как хотите, только успокойте ее, – тихо приказала Оксана Дмитриевна няньке-сиделке.

И вышла, выскочила вон из детской.

– Дай есть!! – неслоь ей вслед.

Она спустилась на первый этаж, прошла через гостиную-холл, закрыла за собой двери, прошла по коридору на кухню. Все утро, весь день сегодняшний она инспектировала дом. Пока они с Женей находились в клинике в Германии, как тут жил этот казенный дом – муж, старшая дочка, домработница?

Чисто, все убрано, ни пылинки, ванна сверкает, окна сияют. Муж изменяет ей, и уже давно... Это ясно как день. Оттого у них ночью в постели, даже после долгой разлуки, ни черта не выходит, а только лишь какое-то совершенно неприличное пыхтение и возня под одеялом.

Но к домработнице, остававшейся тут с ним на все лето, ревновать не стоит. Домработница – пенсионерка, любопытная и болтливая как сорока.

Та, с кем муж ей изменял все эти годы, наверное, молода и красива... Что ж, а она, Оксана Дмитриевна, уже не молода, хотя и старается, из кожи вон лезет, следит за собой.

Но силы в этой борьбе неравны. Больной ребенок, который никогда уже не поправится, не станет нормальным. Ее тяжкий крест. Муж винит ее за Женьку? Но если это генетика, то виноваты они оба. А если виноват тот полигон... радиация... Да, тут, пожалуй, доля ее вины – можно было и не таскаться с ним по всем этим командировкам, он не хотел ее брать. Она настаивала. У них тогда был сложный период брака, старшая дочь подросла, они прожили вместе достаточно долго, чтобы уже надоесть друг другу. Она боялась отпустить его одного – в этих командировках всегда столько соблазнов: референты, секретарши, даже обслуга... Она уже тогда подозревала, что он косит на сторону. И та беременность... Она же специально пошла на это, казалось, что второй ребенок все исправит в их трещавшей по швам семье.

А родился больной. Урод...

Оксана Дмитриевна придирчиво оглядела ковер в спальне и отправилась с инспекцией на кухню. Адски хотелось сделать кому-то выговор. Муж на службе, старшей дочери нет дома, домработница... ее только хвалить, не ругать. Черт, почему же дома так все идеально? Этого даже просто не мо-

жет быть при ее положении.

– Есть! Давай есть!!

Женя в детской умолкла, а она, мать, все слышала эти вопли.

А потом к ним, как яд подмешался, добавился и еще один быстрый шепелявый говорок:

– Ты слушай, что я тебе скажу... Пришел и признался. Сам признался! И теперь там у них второй день сидит. Где-где, сама догадайся. У меня троюродная племянница, а у нее муж в полиции... Он ей, она матери, мать ее мне... И соседка, Жабова, уже в курсе. Да весь город шепчется. А то... то самое дело и есть – утопленница в Гнилом пруду, ну дочка-то художника убитая... А то ты не помнишь, что тут было, как ее нашли... Когда? Да нет, раньше, это когда моя мадам с выродком своим дефективным в Германию укатила... То-то и оно... и я к нему туда захаживала... Церковь-то новехонькая, только построенная... Наш-то Михаил Петрович, хозяин, деньги давал, жертвовал... Я тебе говорю. Откуда знаю? Да я все знаю, в одном доме ведь живем. Они с ним знакомые...

На кухне домработница – седая, толстая как мяч, – прижав к уху мобильный (один из хозяйских, которых немало было разбросано в этом богатом казенном доме), месила тесто для клецек. Завидев Оксану Дмитриевну в дверях, она быстро шепнула: «Ладно, все пока, потом договорим».

Оксана Дмитриевна бросила взгляд на стол, на огромный

холодильник «Сименс». Все блестит, не к чему придраться, разве что к слову «выродок дефективный».

– Сварите для Жени малиновый кисель, – сказала она.

– Хорошо, сейчас, – бодро отрапортовала домработница.

– И кстати... кого там убили в Гнилом пруду? – Оксана

Дмитриевна смотрела, как пухлые руки мелькают над фарфоровой миской с тестом. – И кто в этом признался?

Глава 6

Кого съели в лесу?

Катя не раз уже отмечала для себя, что слово «новый» в Подмосковье встречается в названиях пусть и не так часто, как «старый», однако всегда хитро обманывает ваши ожидания. Что там впереди? Новая Рига? Никаких шпилей, никакой прибалтийской готики. Просто шоссе. Новый Милет? И никаких там оливковых роц – сплошные косогоры, заросшие лопухами и осокой. А там далеко, в противоположной стороне? Новый Иерусалим. Чуть поближе Новые Дома, являющиеся на самом деле скоплением ветхих хрущевских пятиэтажек. Вон там справа Новая Заря – поселок при фармацевтической фабрике. Как будто на свете бывает «старая заря» или «старый восход». И вот вы въезжаете в Новый Иордан.

Ожидали, наверное, увидеть речку, подобную той, библейской. Так нет ее, и озера нет. Зато много прудов, дач, современных коттеджей, полей, и среди всей этой зелени, слегка уже тронутой желтизной приближающегося сентября, – городишко-городок. Не ветхозаветный, а самый натуральный подмосковный. Улочки, кирпичные девятиэтажки, частный сектор за глухими заборами и центральная площадь с магазинами-«стекляшками» на первых этажах многоквартирных

тирных домов.

Здание ОВД в Новом Иордане недавно тоже отстроили новехонькое, чем весьма, видно, гордились. Катя в дежурной части предъявила удостоверение, сообщила, что она из главка в связи с распоряжением шефа криминальной полиции полковника Гущина, и почти сразу помощник дежурного провел ее на первый этаж к восьмому кабинету.

Тут было сумрачно и накурено, дальше путь вел в экспертно-криминалистическую лабораторию, и оттуда, как потом узнала Катя, имелась лестница в подвальный этаж в изолятор временного содержания.

В коридоре навстречу Кате шли сотрудник в форме и два очень представительных священника в черных рясах с портфелями. Они смахивали на университетских профессоров. Кате даже показалось, что она ощутила аромат благородного парфюма. Чуть-чуть...

Прошли мимо. Катя открыла дверь и первое, кого увидела, – сидящего в профиль к двери знаменитого на всю область эксперта-криминалиста Сивакова. Он листал журнал. А над столом навис маленький ростом и чрезвычайно рассерженный прокурорский следователь, стучавший кулаком по столешнице и отрывисто бросавший в мобильный:

– Я вам покажу! Совсем уже всякий стыд, всякое чувство реальности потеряли. Что вы там пишете? Как такое на официальный городской сайт могло попасть? Блогеры? Какие, к черту, блогеры, шизофреники... «Кого съели в Ордынском

лесу?» Кто это пишет, кто пишет эту хрень, я вас спрашиваю? Место происшествия? Там на месте были при осмотре только уполномоченные лица, наши сотрудники... Да, костер... Но про черепа обугленные мне не надо тут, вы там не были... Это вы меня спрашиваете? Это я вас спрашиваю. кто поместил на городской сайт эту информацию? Кто распространяет по городу эти слухи идиотские? «Кого съели в Ордынском лесу?»

Катя замерла в дверях. Увидев ее, постороннюю, говоривший по телефону, не закончив гневной тирады, быстро дал отбой.

– Вам, простите, что угодно?

– Здравствуй, Екатерина, – эксперт Сиваков, кряхтя, поднялся, отложив свой журнал. – И ты сюда добралась.

– И вы здесь, – Катя обрадовалась Сивакову. А то этот нервный следователь... Интересно, а что тут такое у них творится? Ехала она сюда по делу признавшегося в убийстве священника. А попала... Так кого же съели в этом самом Ордынском лесу?

Но спрашивать в лоб Катя пока остереглась, подала следователю свое удостоверение.

– Понятно, здравствуйте. Начальство по поводу вас звонило, хотя мне, простите, все эти звонки вот где, – следователь чиркнул себя ребром ладони по горлу. – У меня свое начальство. Жужин.

Катя поняла, что это он ей тоже представился, а вовсе не

назвал фамилию своего шефа.

– Так они, значит, вас прислали в качестве переговорщика, – следователь Жужин хмыкнул. – Но тут ведь не захват заложников.

– Как я поняла, у вас явка с повинной в убийстве. И вы сомневаетесь, потому что факты и личность этого человека... Он ведь священник здешний? – Катя отругала себя: несолидно начинаешь. «Переговорщик», чего ты там лепечешь?

– Сами, наверное, знаете, как это бывает, по ряду убийству – звонят, приходят, признаются в содеянном. Целыми взводами, порой табунами прут, – рубил следователь Жужин. – Есть такой сорт психов. И мы их просто отправляем сами знаете куда, хотя трата времени на все эти тары-бары колоссальная. И если бы этот человек...

– Лаврентий Тихвинский. Отец Лаврентий, – сказал эксперт Сиваков.

– Батюшка... Явился со своим заявлением сюда вот, в отдел, мы бы побеседовали с ним и... сразу поставили бы на этом жирную точку. Но он явился к родителям жертвы. Он им признался в убийстве их дочери. Понимаете разницу? После этого мы просто не можем оставить все это в рамках лишь розыскных мероприятий – допросить его, покрутить у виска и отправить его туда же, куда и всех этих параноиков. К черту лысому! Мы обязаны приобщить явку с повинной к уже почти до конца расследованному делу, по которому доказана вина в убийстве совершенно другого человека, и

начать доскональную проверку его заявления и всех сопутствующих фактов. А явившегося с повинной задержать.

– Но может быть, это правда? – спросила Катя.

– Что правда?

– Может, это он убил девушку?

– Вас, сотрудницу пресс-службы, прислали к нам в качестве переговорщика.

– Да, но я не понимаю, раз он признался... так, может быть, это правда, он и есть убийца. А тот другой, что сидит у вас по обвинению, этот Султанов, – Катя вспомнила фамилию задержанного, – он же, кажется, так и не дал признательных показаний.

– Вы приехали мешать или помогать? – раздраженно спросил Жужин. – Мы что тут, по-вашему, почти два месяца дурака валяли, ничего не делали, доказательств не собирали?

– Я ни в коей мере не собираюсь вам мешать. Наоборот, полковник Гуцин попросил меня побеседовать с отцом Лаврентием... если получится, убедить его, что он... он ошибается, что это его фантазия болезненная. Простите, давайте уж начистоту: он что, по вашему мнению, ненормальный, этот священник? – Катя и правда решила, что они вот так выпендриваются друг перед другом, лучше пока не спорить, не конфликтовать.

– Погоди, так ничего не выйдет, – Сиваков направился к двери. – Пойдем со мной, – он поманил Катю в коридор.

Они прошли мимо кабинета с открытой дверью, где на стульях у стены чинно расположились те самые «духовные лица», которых Катя видела в коридоре. Они кого-то ждали.

– Из аппарата архиепископа по этому же самому делу, – шепнул Сиваков. – Вроде тебя... переговоры приехали с коллегой вести. Только он отказывается от любых контактов.

Они спустились в ИВС¹, и там Сиваков снова шепнул что-то начальнику изолятора. Тот кивнул и показал жестом – следуйте за мной.

Они прошли мимо двери – нет, не следственной комнаты, а комнаты для отдыха охраны. Там Катя увидела двух врачей в белых халатах. А на диване сидящего мужчину в черной рясе.

У мужчины врачи брали кровь из вены. Они очень спокойно о чем-то разговаривали с отцом Лаврентием. Катя поняла, что это он. Вот он обернулся, и Катя поразилась его молодости. Очень молодой, коротко постриженный – никаких там «долгих кудрей», никакой «косы» на затылке, никакой бороды. Блондин очень приятной внешности, высокий, широкоплечий.

Сиваков не стал останавливаться у двери, а вывел Катю из изолятора по другой лестнице.

– Видела его, значит, теперь проще будет. Врачи эти наркологи, мы ему обязаны кровь взять у него на анализ на предмет проверки алкоголя или наркотиков. Повторный кон-

¹ ИВС – изолятор временного содержания.

трольный забор, первый вчера делали сразу по задержании. Первый анализ ничего не дал. В смысле наркотиков чисто. Он, как видишь, против всех этих манипуляций не возражает.

Вернулись в кабинет.

– Ну и как первое впечатление? – хмыкнул следователь прокуратуры.

– Интеллигентный молодой человек, – сказала Катя.

– Ага. Тогда вот, пожалуйста, ознакомьтесь с небольшой справкой – насчет биографии и всего такого прочего, – следователь протянул Кате папку (она поразилась оперативности – уже и папку-досье на отца Лаврентия сумели собрать!), а сам вышел. Эксперт Сиваков, однако, остался и снова принялся за свой иллюстрированный журнал.

Катя присела за стол, открыла папку и жадно начала знакомиться. Информация была краткой, но впечатляющей.

– Я сегодня утром почти наизусть это выучил, – сказал Сиваков, не отрываясь от журнала. – Лаврентий Тихвинский, из семьи потомственных священнослужителей. Отец, Павел Тихвинский, протоиерей, профессор Московской духовной академии в Сергиевом-Посаде, хранитель церковно-археологического кабинета, умер, когда Лаврентию, младшему сыну, исполнилось семнадцать лет, в семье еще четыре сестры – все замужем за священнослужителями. Окончил с отличием семинарию, после работал в Центре информационных технологий Московской духовной академии. Женат на Ели-

завете Тихвинской, в девичестве Прянишниковой, двоюродной племяннице архиепископа Северо-Двинского и Онежского Лонгина. Рукоположен в сан священника, назначен в здешний приход, проявил себя не только как достойный пастырь, но и как хороший организатор по строительству нового здания церкви, а также активно участвует в благотворительных фондах. Там еще его здешний адрес, проживает совместно с женой и пожилой родственницей.

Катя просмотрела внушительный список благотворительных организаций, с которыми сотрудничал отец Лаврентий. Здесь были и Фонд помощи жертвам бытового насилия, и Центр реабилитации жертв сект и оккультных культов, Ассоциация «Нет наркотикам» и детские благотворительные фонды.

– Я тут по просьбе Гущина для переговоров, если они, конечно, состоятся, – сказала Катя. – А вы? Этому делу уже несколько месяцев. И даже обвиняемый есть. Что вас сюда привело? Или вы тут по какому-то другому делу? Я вот слышала, наш следователь по телефону говорил про какой-то лес Ордынский...

– Об ордынском эпизоде речь впереди, – Сиваков нагнулся и достал (откуда, из-под стола, что ли, как фокусник?) еще одну папку. – Об этом пока рано. Я здесь для проверки неких своих чисто субъективных теорий. О том, как способ убийства связан с личностью преступника. Что мы можем сказать о самом убийце исходя из способа, каким он приканчивает

свои жертвы. Огнестрельное ранение, например... Знаешь, я не люблю огнестрельные ранения. Кто угодно может выстрелить – киллер, ревнивая женщина, старик, ребенок, был бы пистолет. Случайно или намеренно. Яд... Это, к счастью, редкость в нашем Отечестве – убийства с помощью яда, видимо, не в нашем национальном характере. Но весьма интеллигентный способ расправы. Свидетельствует об определенных навыках... о расчете, коварности. Хотя иногда проще всей этой возни с ядами схватить топор или молоток и ударить. Но убийца не бьет жертву топором, он дает ей яд. А вот те, кто режет, кто убивает свои жертвы ножом...

Катя посмотрела на знаменитого эксперта Сивакова – он порозовел, в глазах его появилось мечтательное, почти вдохновенное выражение.

– Эти преступники для меня загадка. Пойми, я не говорю о тех, кто просто «пырнул» противника в драке. Я говорю о тех, кто режет. Кто пронзает свою жертву лезвием – один удар. Самый близкий контакт из всех возможных, когда чувствуешь все. Это ведь очень страшно... очень некомфортно чувствовать все на пару с жертвой. Сила нужна все это вынести. Я не только о физической силе говорю, потому что нанести смертельную рану ножом человеку не так-то просто. Нужна сила... И вот я порой смотрю на них, потом... когда они уже у нас, задержаны, те, кто режет. Ну где же эта сила в них? Где она дремлет до поры до времени? И отчего они порой так не похожи на мое личное представление о человеке,

который не боится убивать свои жертвы ножом?

– Этот отец Лаврентий не похож на того, кто «режет»? Так, значит, Марию Шелест, убили...

– Нет, ты все-таки не понимаешь здешней ситуации, – Сиваков покачал головой. – Вот тут фото с места происшествия, – он открыл свой ноутбук и повернул экран к Кате.

– Ситуации о том, что отец Лаврентий пришел и признался родителям жертвы? И поэтому, абсолютно не веря его показаниям, здесь, в отделе, все равно вынуждены все досконально проверять?

– Нет, другой ситуации или этой же, но с другой стороны. Вот в этом убийстве юной девушки... зверском жестоким убийстве, – Сиваков кивнул на экран, – уже есть обвиняемый. И он кавказец. Спроси здесь любого в этих стенах, выйди на улицу в город и спроси любого, там все, особо не задумываясь, скажут: «Да, да, конечно, все правильно... они ведь эти... они такие... они режут».

– Но это же не значит, что подозреваемый Султанов...

– Выйди и скажи: это отец Лаврентий, священник, сын профессора из лавры, выпускник семинарии, молодой интеллеktуал во Христе. И что ты услышишь: как? Как такое возможно? Он режет?!

– А мне наплевать на стереотипы, – дерзко ответила Катя. – Я взгляну на снимки, ладно?

Сиваков открыл папку с файлами.

Катя смотрела, перелистывала снимки.

Снимков на месте происшествия эксперты сделали много.

– Это не место убийства, убили ее не там. Где именно – мы до сих пор не знаем, – сказал Сиваков. – Труп бросили в пруд, но там неглубоко и коряги на дне. Тело затонуло не полностью. Обнаружили его рабочие железной дороги рано утром. Здешний сотрудник отдела оказался случайно на переезде, у него там мотоцикл заглох. Он тело из воды вытащил. Очень неаккуратно действовал, я бы даже сказал, топорно. Давность смерти на момент обнаружения не более шести-восьми часов. То есть смерть свою встретила она в период с 20.30 до 22.30. Смерть наступила от удара ножом в подреберье, в область печени. Удар нанесен с большой силой. Давность других повреждений... более поздняя, уже по-смертная.

Катя молча смотрела на снимки на экране. Что же там с лицом...

– Множественные переломы лицевых костей, все лицо разбито.

– Преступник пытался лишить нас возможности опознать жертву? – спросила Катя.

– Разве ее нельзя опознать? Нет, тут другое. Он ее просто бил, уже мертвую. Никаких предметов для нанесения этих лицевых повреждений использовано не было. Это все ногами. Ярость свою выплескивал.

Катя почувствовала, что она больше не может... не хочет на это смотреть.

– Еще у погибшей синяки и ссадины на запястье и в области предплечья, – Сиваков покачал головой. – Удару ножом, видимо, предшествовала короткая борьба, причем все данные за то, что борьба эта велась в каком-то ограниченном тесном пространстве.

– А анализы ДНК? У Султанова и отца Лаврентия образцы взяли?

– Взяли, конечно. Только тело восемь часов находилось в воде. Я думаю, тот, кто бросил его в пруд, кое-что кумекал в экспертизе ДНК и условиях, когда она бесполезна.

– Получается, что он избивал ее уже мертвую, но...

– Вот из-за этого «но» я сегодня сюда и приехал. Поглядеть на нового фигуранта. Попытаться понять, где же все в нем это кроется – эта бешеная ярость, с которой ногами втоптывали женское лицо в грязь. И пока не вижу.

– А в Султанове, в кавказце, вы это все увидели, да?

– Он очень молод, этот парень. И он сейчас в отличие от отца Лаврентия на психиатрической экспертизе. В тайнах его души разбираются светила психиатрии. Но одно обстоятельство здесь в ходе расследования установлено железно – Султанов весь последний год, что называется, преследовал девушку. Звонил, встречал на улице. И адски, со всем кавказским пылом ее ревновал.

В кабинет вернулся следователь Жужин.

– Боюсь, что пока ваша очередь на переговоры откладывается, – объявил он с порога Кате с усмешкой. – Тут к нам

от РПЦ переговорщики прибыли, из секретариата архиепископа. Хотят встретиться с отцом Лаврентием. И я думаю, что это полезно.

– Хорошо, – Катя встала. – Я не настаиваю на немедленной встрече. В конце концов, это вам решать, нужна моя помощь или нет. Я бы хотела пока съездить к родителям Марии Шелест. Где они живут?

Жужин написал ей адрес.

– Мы их допросили, – сказал он. – Постарайтесь убедить их, что вся эта история с признанием в убийстве...

– Ошибка?

Маленький пухлощекий следователь только вздохнул тяжело.

– Успокойте их, если сможете, – сказал он.

Глава 7

Бал

Закрываете глаза, вдыхаете глубоко...

Вот кто-то звучным ликующим голосом объявляет: «Бал!»

И вы в огромном зале – позолота, блеск хрусталя, сияющий паркет под ногами и толпа гостей. И мужчины... Какие мужчины!

На вас открытое бальное платье. И нет никого красивее вас в этом зале, и вы это знаете, вы уверены. Счастье искрится в ваших глазах.

Бал! Оркестр начинает венский вальс, и мужчины приглашают дам на танец. Вы стоите на ступеньках мраморной лестницы и ждете, когда к вам подойдет он. Граф де ла Фер, граф Монте-Кристо, граф Дракула, виконт де Бражелон – нет, нет, им вы отказываете. Принц Фортинбрас!

Тот, кто приходит в самом конце в том спектакле, который вы смотрели этой весной. Принц Фортинбрас, это который «на всю ли Польшу вы идете, сударь?» – лишь это одно вам известно о нем. Он подходит... поклон... У него идеальный пробор. Он берет вашу руку, и вы как сомнамбула говорите ему: да! Он вежлив и предупредителен, у него потрясающие манеры. Он кружит вас в венском вальсе и с каждой новой

волной вальса тает как воск в ваших руках. А вы смотрите ему прямо в глаза и говорите: круто, норвежец!

А потом вы сбегаете от всех этих гостей, посланников, премьер-министров, иностранных дипломатов, мчитесь по мраморной лестнице в висячие сады Семирамиды, и там, у ажурной решетки, как в сцене «У фонтана», вас ждет красный «Порше». Вы взлетаете на нем к звездному небу, целуетесь как сумасшедшие, кружите над Спасской башней и Эльсинором, делаете ручкой этому чокнутому принцу Гамлету, опоздавшему на бал из-за убийства крысы, и берете курс на Манхэттен.

Красный «Порше» не врезается в стену башен-близнецов, которые еще стоят как влитые, словно и не взрывалось ничего никогда, он тормозит, плавно спускаясь на крышу, оборудованную под террасу самого веселого и стремного ночного клуба. И там, на кушетке, под бесстыдными звездами в вихре надвигающегося торнадо принц Фортинбрас властно берет вас как свою...

Шуша Финдеева широко раскрытыми глазами уставилась на подружку Наташку. Та уже переделалась, запихала вещи в огромную сумку-торбу и повесила ее себе на плечо. А Шуша, грезя, все еще сидела в одних трусиках на скамейке – на одной ноге гольф, в руках скомканная белая майка.

Принц Фортинбрас...

Шуша терпеть не могла свое обычное имя – Марианна, говорила, что не желает быть ни Маней, ни Аней, а потому с

самого детства все дома, и в школе, и здесь, в танцевальном классе, звали ее Шуша.

Ча-ча-ча... Она легко вскочила и станцевала босыми ногами чечетку.

– Наташка, ты иди.

– Еще чего, одну тебя не оставлю. Ты же его дожидаться станешь, а то я тебя не знаю.

– Нет, ты иди.

– А может, я тоже хочу, – рыжая Наташка – юла и егоза – показала Шуше язык. – Может, я ему больше нравлюсь.

Шуша запустила в нее балеткой.

Принц Фортинбрас... Нет, не появлялся он здесь, в тесной раздевалке танцевального класса школы искусств. И красного «Порше» никто не видел у подъезда.

Все развивалось как-то вяло, непозитивно. Вот дома, например, складывалась до предела напряженная обстановка. Мать вернулась из Германии с сестренкой Женькой, которой так и не поправили там мозги, нянька сестренки утром в ванной выдавливала на носу угри, домработница крала в доме вещи по мелочам – то заколку прикарманит, то пудреницу «Шанель», а папочка... папочка разрывался между работой в правительстве на благо Отечества и молодой любовницей, неуклюже стараясь все это от всех домашних скрыть.

Но не получалось.

Мужики они вообще тупые.

И только принц Фортинбрас красив и умен.

И он понимает, что и она, Шуша, умна и прекрасна. Она обожает читать любовные романы, без ума от искусства, и пусть с алгеброй и физикой у нее полный отстой и она даже не сдала «егушку», все равно она прелесть, редкий экземпляр.

Она горда и независима. И еще у нее острый злой язык. И воображаемый бал – это отнюдь не все, что она видела в жизни. Например, папа в прошлом году брал ее на настоящий прием, званый вечер в Гостином Дворе. Там надо было присутствовать обязательно парой со своей дражайшей половиной, но мать, как всегда, занималась дефективной Женькой. И папа взял ее, Шушу.

Ах ты, морока... Впрочем, там даже пытались изображать что-то вроде танцев под знаменитый оркестр. Все эти политики и депутаты... они танцевали как мешки с дерьмом. Словно отбывали повинность, никто не имел хорошей школы. Чада рабочих и крестьян, потомки слесарей, уборщиц, часовщиков, товароведов, кассирш, председателей колхозов и кремлевской обслуги. Они все были уже старые – с красными лицами, с обвисшими щеками и пивными животами. Они все уже давно были в прошлом, только еще не знали об этом сами.

Их можно было лишь пожалеть. И отказать им во всем. И Шуша, краснея от удовольствия, жалела их и отказывала им – мысленно.

– Давай шевелись, а то он уйдет. Он сегодня в третьем

зале с «Щукой» занимается. Что ты так долго копаешься?

Шуша потрянула мокрыми после душа волосами. И начала одеваться – узенькие джинсы, маечка. Она достала зеркало и тушь и подкрасила себе ресницы. В эту частную школу искусств в Калошином переулке возле Арбата приходили на занятия по танцам студенты Щукинского училища, и те, кто обивал пороги на кастинги разных мюзиклов, и те, кто просто хотел чем-нибудь заняться, хоть танцами, хоть постижением основ современного балета – от скуки.

Добираться из родного Нового Иордана далеко, но милый папочка всегда в конце недели клал на ее карту деньги и требовал одного неукоснительно – чтобы она всегда после занятий в школе искусств, после посиделок в кафе с подружками, после тусовок на съемной квартире подружки Наташки вызывала такси и только на такси ехала домой – к себе «в имение». Шуша просила, чтобы ей в Москве пусть не купили, но хотя бы сняли квартиру. Но мать категорически возражала: «Тебе всего восемнадцать, это слишком рано, чтобы жить отдельно. Я буду безумно волноваться».

Мать лгала. Ей ни до кого и ни до чего не было дела, кроме как до ненормальной младшей Женьки. А папа... он что-то всегда ворчал насчет «самостоятельности», но ему тоже было все равно. Любовница... он имел молодую любовницу. Шуша его не осуждала – с матерью и Женькой, вечно орущей, пускающей слюни, с уродиной-нянькой и воровкой-домработницей в доме спятишь. Нужна отдушина, вот

он ее себе и завел.

– Ты только не веди себя с ним как полная дура, – учила подружка Наташка. – А то он о себе возомнит. Он и так нос задирает.

Шуша лишь улыбнулась. Принц Фортинбрас...

– Что улыбаешься? Он ведь старше насколько. У него iPhone от баб лопается. И наверняка с кем-то живет, – Наташка, казалось, нашла ее больное место, эту ее плохо затянувшуюся ранку, и ковыряла, ковыряла корочку ногтем. – А ты думаешь, нет? Очень ошибаешься. Чтобы у такого и не было никого? Да я сама видела, как он здесь в танцклассе...

Шуша продолжала улыбаться. Но крепко стиснула зубы.

– Ладно, пойдем, – Наташка вздохнула. – Зря ты стараешься, он на нас ноль внимания. Отработает урок, и все. Я его с Желябовой с четвертого курса «Щуки» видела, они в обнимку по Арбату шлялись.

Желябова с четвертого курса приходила в школу искусств подрабатывать репетиторством и одновременно учиться современному танцу. Худющая крашеная блондинка модельного роста и внешности. Парни липли к ней как мухи.

Покинув раздевалку, они вышли в коридор. Школа искусств располагалась в старом особняке. Весь второй этаж занимали танцклассы с зеркалами во всю стену, роялем и балетным станком.

Они остановились у окна напротив двери зала № 3. Шуша, чувствуя необычайное душевное волнение... вот ведь гад-

ство... и руки даже вспотели, полезла в сумку, достала сигареты и закурила.

Если бы это видела мать, она, наверное, убила бы ее. А может, лишь пожала бы плечами – хочешь, травись – и отвернулась к своей ненаглядной Женьке-идиотке, вытирая ей слюни салфеткой.

– Сейчас кончатся занятия, – Наташка глянула на часы. – Без четверти уже.

Принц Фортинбрас...

Это его она, Шуша, ждала здесь в залитом августовским солнцем коридоре, пропахшем потом, пудрой и духами. Это он умыкнул ее с того призрачного бала, умчал в красном «Порше» на Манхэттен и сделал своей любимой женой. Это он улыбался ей каждую ночь во сне и целовал ее плечи. Это он возлагал на ее темные непокорные волосы алмазный венец. Он говорил, что она счастье и радость, свет и боль.

– Слышь, Шуша, кончай мечтать. Ко мне вчера Стасик подвалил в «Старбакс» здесь, на Арбате, и спрашивал про тебя. Он, кажется, всерьез на тебя запал с той ночи в клубе. Только я ему сказала, чтобы он губы не раскатывал. Что ты в Эдку Цыпина, в преподавателя, до смерти влюблена.

Принца Фортинбраса звали Эдуард Цыпин.

Шуша резко повернулась к подруге, но та вдруг подтолкнула ее локтем и глупо хихикнула.

Эдуард Цыпин вышел из третьего зала с полотенцем на шее. За ним повалила стайка студенток «Щуки», которым

он преподавал пластику и эти самые «основы современного балета».

Шуша смотрела на него не отрываясь. Девицы окружили его, и он как-то потерялся в этом потном балетном цветнике. Он был старше, но сейчас тоже походил на студента. Чересчур крупный и высокий для балетного, с великолепным торсом. Шуша знала, что он не только подрабатывает репетиторством, но и танцует – в этом сезоне в труппе «Балет-модерн», где все танцы так похожи на акробатические номера и ни у кого из артистов нет сольных партий, вся хореография построена на сплошной «групповухе». Шуша ходила на все спектакли «Балет-модерн», но она не призналась бы в этом Эдуарду Цыпину... нет, принцу Фортинбрасу, даже под страхом смерти. Весной чахлым гриппозным мартом в свободные от занятий часы она тайком ждала его у служебного входа, в апреле и мае пряталась, ревновала и ревела в подушку, в июне со страхом ждала сезона летних отпусков в школе искусств. И лишь сейчас, в конце августа, когда занятия возобновились и она снова его узрела, в ее мечтах возник бал.

Бал!

К студенткам в коридоре присоединились студенты из второго танцевального класса, и все потонуло в говоре, смехе.

– Туши сигарету, – шепнула ей подружка Наташка. – И не стой с такой овечьей рожей. Подойди и спроси у него что-нибудь.

Что спросить?

– Эдик! Привет!

По коридору как по подиуму плыла Желябова с четвертого курса «Шуки».

– Привет, – он помахал ей рукой, улыбаясь. – Ну все, девочки, завтра закрепим, что сегодня наработали. Всем хорошего дня.

– Ты закончил? – Желябова тряхнула распущенными волосами. – А у меня с лодыжкой проблема. Так что-то некомфортно, наверное, растяжение. Думала до начала занятий в училище денег заработать немножко, а показать ничего не могу толком. Пропал урок. Меня уволят, Эдичка.

Он подал ей руку, и она грациозно оперлась на нее.

– Доканделаем до раздевалки.

– Может, тебя на руках отнести? – спросил он.

– Принц Фортинбрас.

Шуша поняла, что это выпалила она. Как это возможно, чтобы слова оказались произнесены вслух? Но эта его шутильная фраза «отнести на руках»... Как такое пережить, когда в вашем присутствии он говорит это другой, а не вам?

Он удивленно обернулся:

– Вы что-то сказали?

– Нет, не вам. Это просто из пьесы, я текст повторяю, – Шуша все гуще и ужаснее заливалась клюквенным румянцем.

Никогда прежде она не чувствовала себя такой уродли-

вой, красной, жалкой, толстой, никчемной и глупой. Никогда прежде она не любила его сильнее, понимая, что это – полный «пипец».

– Девушки, а вы что, тут учитесь? – Эдуард Цыпин обратился к ней и к подружке Наташке.

– Мы тут учимся, – отчеканила подружка Наташка, впираясь в руку подружки Шуши словно клещами.

– Я смотрю – лица знакомые, – он наклонился над Шушей, прятавшей лицо свое... где его можно было спрятать, когда стоишь вот так – руки по швам и только шею гнешь все ниже, ниже. – Что это с тобой, а?

– Ничего, это у меня аллергия, – Шуша всхлипнула, чувствуя, что уже не может сдерживать слезы.

О гадство, слезы стыда, слезы отчаяния, слезы любви. В восемнадцать лет кто не плакал? Но рыдать вот так прилюдно...

– Тут пыли полно в коридоре, – он не понимал. – Подожди, на-ка полотенце, я его под краном намочил, оно чистое, прижми и дыши сквозь него.

Он совал Шуше свое мокрое полотенце, и она приняла его как алмазный венец. И прижала к распухшему, покрасневшему от слез носу. И только так с этим махровым намордником осмелилась глянуть на него.

– Лучше? Девочки, вам надо на воздух, – сказал он.

Желябова с четвертого курса «Щуки» продолжала виснуть на его плече, посматривая на них таким многозначи-

тельным взглядом.

– Мы уже и так уходим, – подружка Наташка потянула Шушу за собой.

– А зовут вас как?

– Меня Нателла.

– А тебя как зовут?

– Шуша, – она прошептала это сквозь мокрое полотенце, еще хранившее аромат его тела.

– Шуша? – Он улыбался. – Слушай, а это не тебя я около театра встречал?

Шуша поняла, что умирает – он видел ее! Оказывается, он видел, как она тайком караулила его у служебного входа в театре Моссовета, где «Балет-модерн» давал спектакли в марте.

– Это я, когда Мэтью Боурн приезжал с «Золушкой»... я приходила, там англичане, английские танцовщики.

– Ах англичане. Ну тогда извини, – он выпрямился во весь свой прекрасный высокий рост.

– Нет, я... вы тоже выступали, ваш балет... театр... «Золушку» летом показывали, а я еще раньше ходила, когда вы...

– Завтра у меня тут занятия в одиннадцать, – сказал Эдуард Цыпин. – Девочки... Шуша... если интересно, приходите.

Он удалялся по коридору, ведя колченогую Желябову в раздевалку, – с прямой спиной танцора, шагая легко и упру-

го.

– Приеду домой – отравлюсь, – сказала Шуша.

– Идиотка, все же отлично! Он тебя заметил, – подружка Наташка рассмеялась. – Как это ты его обозвала... принц какой-то там...

– Принц Фортинбрас.

– Почему?

– Потому что он принц Фортинбрас, разве ты этого не видишь?

– Странное ты создание, чудик. – Наташка хмыкнула и показала: – У него глаза вот такие стали. Ты его удивила, и он тебя заметил, точнее, заметил-то он тебя раньше, только открыто это не показал. Ну и ну... Но ты особо-то не надейся. Желябова, она же баба деловая, очень конкретная. Думаешь, она просто так в него вцепилась, увела? Сейчас запрутся в раздевалке трахаться. Он балетный, но не голубой, а это редкость. С такой фигурой, с такими плечами к нему очередь стоит.

Шуша повернулась и побрела прочь. Бал все еще продолжался, и вальс играли все громче, в ночном небе взрывались шутихи, озаряя все вокруг. И в сцене «У фонтана» возле ажурной решетки ограды ждал красный «Порше». Граф де ла Фер, маркиз Карабас, граф Монте-Кристо и граф Дракула под руку со своими пьяными подружками в вечерних туалетах спускались по мраморной лестнице. Воскресшая принцесса Диана покидала бал с кавалером, принц Уильям

и принц Гарри, чокаясь, пили шампанское в Белой гостиной. Принц Гамлет, кое-как справившийся со своим вечным психозом, играл в рулетку в Синей зале, нещадно повышая ставки и пуская на ветер датское королевство.

И только принц Фортинбрас отсутствовал, воевал, танцевал, выкидывал акробатические номера, демонстрируя редкую силу и пластику, шел куда-то походным маршем – в Польшу или в Данцинг, осаждал города, врвался в крепости и потом, запершись в тесной театральной уборной, на походной солдатской кровати занимался любовью со всеми юными шлюхами, которых не пригласили на бал как не прошедших кастинг.

Но несмотря на все это... на жгучую ревность, Шуша ощущала себя счастливой. Ей все еще хотелось плакать, но одновременно ее переполняла радость. Впереди встреча с ним... с принцем – завтра в одиннадцать здесь, на балу.

Глава 8

Женихи Сарры

– Капитан Екатерина Петровская, я к вам по делу в связи с задержанием отца Лаврентия.

Катя стояла возле широко раскрытых ворот глухого забора. Из ворот выезжала оранжевая «Нива», на заднем плане виднелся деревянный двухэтажный дом, а путь на участок с грядками и цветами преграждала темноволосая женщина в брюках и вязаной кофте – нестарая, но словно вся высохшая, похожая на мумию.

За рулем «Нивы» сидел бородач далеко за пятьдесят, все его внимание было сосредоточено на управлении машиной, на Катю он не смотрел.

Главковский шофер, откомандированный Гуциным, едва лишь прочел на бумажке адрес семьи Шелест, сразу же закивал: знаю, летом сюда сыщиков возил из управления розыска. И довез Катю до места так быстро, что она практически не успела подготовиться к этому важному разговору с семьей убитой девушки.

А то, что к таким беседам с потерпевшими надо обязательно готовиться, и как можно тщательнее, Катя знала из своего прежнего грустного опыта.

Она хотела сосредоточиться на этом разговоре, извлечь из

него максимум полезной информации. Посещение Новоиорданского ОВД породило у нее множество вопросов. И пока ни на один из них она не имела для себя ответа. Они там, в отделе, не верят признанию священника вовсе не потому, что им удобнее считать виновным в убийстве девушки ранее задержанного Руслана Султанова. А потому, что там что-то не сходится в этом его признании с данными, полученными в ходе осмотра и дальнейшего расследования. Ведь почти два с половиной месяца прошло. Если убил отец Лаврентий, то что же он ждал так долго, тянул с явкой с повинной? Муки совести, борьба с собой... Но они там, в полиции, в это тоже не верят. Но и в психи, в когорту признающихся всегда и во всем, отца Лаврентия не записывают. У него хорошая репутация, он нормальный человек, молодой, но уже известный в Новом Иордане. И наконец, он священник. Вот и Сиваков – профи до мозга костей – приехал изучить его как некий новый вид фигуранта, доселе еще не бывалый. И тоже пришел к выводу: отец Лаврентий – не тот, не убийца, потому что его психологический портрет не совпадает с тем психологическим портретом, который многоопытный эксперт Сиваков уже успел себе создать. Психологический портрет того, кто режет свою жертву. И потом уже мертвую бьет, в ярости топчет ногами.

Но ведь отец Лаврентий сам признался в убийстве. Так признание все еще царица доказательств или нет? Все скажут – нет, нет и нет со времен Вышинского. Но тогда если он

не убивал и он не псих, не из когорты признающихся, тогда зачем же он в тот вечер пришел к родителям Марии Шелест и сказал... Солгал? До предела циничный поступок, бесчеловечный. И это сделал священник?

Катя чувствовала, что это дело уже против воли втягивает ее в себя, как темная бездонная воронка. А ведь полковник Гуцин отвел ей всего лишь роль переговорщика. Но переговоры пока откладываются. И так ли ей хочется вот сейчас, после того как она увидела те снимки с места происшествия, уговаривать отца Лаврентия отказаться от этого его такого нелепого и неуместного с точки зрения здешних полицейских признания? Ей хочется не уговаривать, а разобраться во всем досконально. И если он признался в убийстве, если все же он, священник, убил эту девушку, то...

Катя перевела дух. Потом оглядела себя (они в этот момент уже подъезжали к дому Шелест), смахнула с брюк несуществующие пылинки, пригладила волосы и затем вообще собрала их на затылке в строгий пучок. Стерла с губ блеск бумажной салфеткой. И только-только начала сосредотачиваться, мобилизовывать себя на трудный разговор внутренне, как машина остановилась у настежь распахнутых ворот.

Тех самых.

— ...по делу в связи с задержанием отца Лаврентия.

Темноволосая женщина в вязаной кофте смотрела на Катю и вдруг внезапно нагнулась и начала выдергивать из грядки траву. Оранжевая «Нива» вырулила на дорогу. Женщина

выпрямилась и стала закрывать тяжелые створки ворот. Катя, опираясь обеими руками, помогла ей.

– К нам уже столько ваших сотрудников приходило, – сказала Шелест. – Я мать Маши Галина Григорьевна, муж, как видите, уехал, ему в Москву в художественный салон надо по делу насчет заказа. А там вон на террасе свекровь моя Марья Степановна. Мы Машу в честь нее назвали.

– Я понимаю.

– А мне говорили: не называй, два одинаковых имени в семье – это нехорошо, не уживутся, кто-то непременно умрет. Я думала, свекровь, она же старая, два инсульта. А получилось, что не ее очередь.

– Галина Григорьевна, я не хочу ничего от вас утаивать. Оперативно-следственная группа, ведущая расследование убийства вашей дочери, сейчас в очень трудном положении.

– Мы тоже в трудном положении, – Галина Шелест смотрела на Катю. – Нам тоже не позавидуешь, после того как он явился сюда.

– Вы не могли бы мне рассказать о вашей дочери, показать ее фотографии. Она ведь была художница?

– Она была очень талантливая и добрая. Пойдемте в дом.

По дороге к крыльцу Галина Шелест то и дело нагибалась к грядкам и клумбам и полола – то тут, то там, как робот. Потом появилась маленькая собачка неизвестной Кате породы и залилась лаем, но тут же затихла сконфуженно, словно

виноватая в чем-то. Во дворе все поражало аккуратностью – подстриженные кусты, подвязанные ветки яблонь, подметенные дорожки. Крыльцо недавно покрашено в желтый цвет. На террасе у окна сидела в плетеном кресле старуха – в жемчужных серьгах, укрытая до пояса клетчатым шотландским пледом. Катя вежливо с ней поздоровалась.

– Вы новый следователь из Москвы? – скрипуче спросила старуха.

– Нет, я из Управления информации и общественных связей ГУВД, я не хочу от вас ничего скрывать. Меня прислали вести переговоры с отцом Лаврентием с тем, чтобы этот эпизод с его признанием как-то прояснился, – Катя очень тщательно подбирала слова, ей не хотелось, чтобы они – мать и бабушка Маши Шелест – сочли ее неискренней. – Но в отличие от местных сотрудников я не вижу пока никакой веской причины, по которой мы не должны верить словам отца Лаврентия. В этом деле есть только одна правда – то, что настоящий убийца должен быть предан суду. Я пришла к вам за помощью и советом.

– Советы давать вам... органам, – дело гиблое, – проскрипела Марья Степановна – Галина, что столбом стоишь, покажи гостье, где сесть.

Сели тут же, на террасе.

– Я сначала хочу вас спросить все-таки об этом Руслане Султанове, – сказала Катя. – Знаете его?

– Знаем. Он с Машей в одной школе учился.

– Здесь, в Новом Иордане?

– Да, мы тут давненько обосновались. Маша здесь родилась, а моя старшая дочка – она живет за границей с мужем – первые шаги делала, когда мы только тут дом купили. Деревенский. Избу, так сказать.

– Султанов не признался в убийстве.

– Мне это известно. У него отец богатый, купил у нас здесь на площади торговый центр. Они откуда-то сами – то ли из Дагестана, то ли из Черкесии, приехали всем аулом в начале девяностых. Ну а теперь с деньгами. Руслан этот после школы никуда не пошел дальше учиться, а все больше в бизнесе семейном, по торговой части. Мотоцикл у него такой большой, громкий... Он с Павликом дружил.

– А кто такой Павлик? – Катя насторожилась.

– Это жених Маши, я сейчас вам фото покажу, вы просили, – Галина Шелест поднялась и пошла куда-то в глубь дома.

– Женишок, – старуха Марья Степановна хмыкнула. – Думали, зятек будет такой непутевый. Вон там, наверху, сколько раз у нас ночевал. Приедут вдвоем поздно из Москвы. Сейчас молодежь чуть познакомились – сразу в постель. «Бабушка, у нас с ним любовь». А я что... я молчала, я ей только счастья желала.

Галина вернулась с альбомом.

– Вот, – она протянула его Кате уже раскрытым на снимке своей дочери.

Катя увидела Марию Шелест. Те жуткие снимки утоплен-

ницы из Гнилого пруда не в счет. Вот она какая была...

Высокая хрупкая девушка обнимала молодую тоненькую березку. Черные волосы Марии – кудрявые от природы – обрамляли лицо мягкими волнами. Девушка на снимке была полна изящества и одухотворенности. Белое короткое летнее платье открывало загорелые ноги – босые. Снимок, видимо, делали на закате, и оранжевое солнце освещало фигурку девушки и молодое деревце сзади, создавая призрачную и волшебную картину единства. Словно оба этих юных создания породил лес, явил как чудо, а затем забрал назад.

– На отца похожа, на Филиппа, – проскрипела Марья Степановна из своего кресла. – Он у меня черный, как жук. А еще врут, что к счастью, если дочка лицом в отца.

Катя перевернула листы альбома. Школьные фотографии – мальчики, девочки, а вот и Маша Шелест. С подружками... это, наверное, класс пятый-шестой, а тут уже в компании подростков. Еще снимки – это она уже взрослая, двадцатилетняя, – смеется, джинсовый комбинезон, клетчатая ковбойка с засученными рукавами, все заляпано красками.

– Это она в мастерской, отец фотографировал. А это день рождения у Глаголиных. Наши друзья здешние, что-то вроде пикника.

– Ой, подождите, а кто это рядом с Машей? Постойте, постойте...

Катя буквально зависла над фото, на котором заснят был пикник на воздухе, день рождения – осенний сад, барбекю,

гости с бумажными стаканчиками в руках и... следователь прокуратуры Жужин в куртке и джинсах и рядом с ним Маша Шелест. Их фотографировали, но она не смотрела в объектив, а смотрела на следователя Жужина восхищенным взглядом.

– Да, да, я оставила. Это ее первая любовь. Очень переживала из-за него, – Галина Шелест смотрела на фото. – Ей тут восемнадцать. Смотрели фильм «Прошлым летом в Чулимске»? И у нас та же история – приехал новый человек в город. Следователь... Какую-то лекцию у них прочел в выпускном классе, по обществоведению, что ли. Потом тут дело случилось громкое – ограбление магазина с убийством, он всех поймал, слухов в городке сразу уйма. А затем встретились мы у друзей, у этих самых Глаголиных. Маша влюбилась в него. Такие слезы, такие истерики. «Мама, мама, что мне делать?» Но он вел себя прилично, не к чему придраться – у него жена, двое детей, должность здесь. Он как мог мягко ей все объяснил. Я у нее пузырек под подушкой потом нашла со снотворным. Что я тогда пережила, вы не представляете.

Катя смотрела на снимок. Ай да следователь Жужин... Этот толстый коротышка... красный от гнева, как он кулаком молотил по столу, крича в трубку... И надо же – стал предметом переживаний любовных такой красавицы. Поверить невозможно.

– Когда она поняла, что Николай... ну следователь, не отвечает на ее чувство, она как-то от всего отстранилась, заня-

лась учебой в Суриковском училище. У нее появились новые друзья – москвичи, мальчики, а потом возник этот наш Павлик, вот они, вместе на снимке, – Галина Шелест указала на фото.

Катя увидела Машу Шелест – снова радостную, улыбающуюся, стоявшую возле мотоцикла в обнимку с высоким пареньком в костюме мотоциклиста. На вид паренек ничего собой не представлял – только рост хороший, под метр девяносто. Однако каких-либо своих соображений после сюрприза со следователем Жужиным Катя высказывать не торопилась.

– Ну тут все у них было серьезно. Они заявление в загс зимой подали. Все уж к свадьбе шло. Он ведь здешний, они учились в одной школе, только Маша его как-то не замечала, или замечала, но вид делала, знаете, как это у девочек... Он спортом занимался, мать у него в мэрии работала, семья обеспеченная. У Павлика и машина, и мотоцикл, и спорт этот – гонки. А вот они в компании его друзей – вот и он.

– Кто? – спросила Катя.

– Султанов Руслан, – Галина Шелест указала на брюнета на групповом снимке молодежи. Маша и Павлик были запечатлены здесь опять же в обнимку, а Султанов маячил прямо за ними. Молодой, плотный, сумрачного вида – печальный парень среди общего веселья.

– А где сейчас этот Павлик? Они что, с Машей расстались?

– Смерть их разлучила, на погосте он, – старуха Марья

Степановна произнесла это так, словно в колокол ударила. – А я смотрю, девушка дорогая, не очень вы в курсе. Как же это послали вас сюда такую неподготовленную?

– Меня послали попытаться уговорить священника отказаться от своего, как им кажется, нелепого признания. – Катя повернулась к старухе. – А я посчитала за лучшее сначала собрать как можно больше сведений по этому делу, независимых суждений, версий, если хотите... если они у вас есть, версии... Так что же случилось?

– Разбился он на мотоцикле, бедный мальчик, – Галина Шелест вздохнула. – Они должны были расписываться двадцать восьмого марта в загсе, я говорила – отложите, Великий пост как раз шел, Страстная неделя начиналась, это не очень хорошая примета – замуж Великим постом. Но никто же не слушает, его мать в качестве свадебного подарка тур им в Таиланд купила, в отель для молодоженов. Накануне вечером он приехал на мотоцикле. Они уже с Машей часу не могли друг без друга. Я думала, что он ночевать останется, как раньше, у нее. Так нет. Галина Григорьевна, говорит, мне ехать надо. А дорога – асфальт весь открылся, но по обочинам снег еще лежал, днем тает, воды полно на дороге, а ночью заморозки, лед. Разбился... Мы думали, что это авария, случайность трагическая, а потом выясняется, что ночные гонки они на шоссе устроили на спор. И Султанов Руслан там был с ним. Он и «Скорую» вызвал, да только она уже ничем мальчику... Павлику помочь не могла. Вот и получились у

нас вместо свадьбы, радости – похороны, слезы.

– Значит, это произошло в конце марта, – сказала Катя. – И что Султанов?

– Он после похорон Павлика стал к нам заходить, зачастил. И я... понимаете, я не видела ничего в этом плохого. Маша ему сильно нравилась, он этого не скрывал. Но Маша в то время находилась в таком ужасном душевном состоянии. Она замкнулась, ее ничего не интересовало, весь апрель она пролежала у себя – не работала, не ела. Она стала похожа на тень. Отец, мой муж, он ее безумно любил, он не знал, что делать. И я тоже, и вот Марья Степановна. Она угасала на глазах, наша девочка, горе пожирало ее. И когда Руслан стал приходить, я этому даже обрадовалась – может, хоть поможет, думала я. У Руслана богатый отец, у него у самого хорошие перспективы в плане бизнеса. Но... тут я столкнулась с такой проблемой, что...

– Какая же проблема?

– Маша помнила, что Султанов участвовал вместе с Павликом в тех ночных гонках на дороге. Она его возненавидела за это, и ненависть ее приобрела такие формы, что я... мы с мужем были шокированы. Национальная нетерпимость какая-то... расизм... дико было слышать порой, что она о нем говорила.

– Мы в наши двадцать, – перебила Марья Степановна, – не особо в национальностях разбирались, это потом уже в хоре Большого театра я узнала все эти нюансы – кто какой,

кто грузин, кто русский, кто еврей. А в молодости мы все одинаковые были, не вникали во все это. А сейчас юнцы не такие, послушаешь порой, прямо в дрожь кидает – откуда столько яда. У Машеньки-то нашей хоть причина имелась... горе, жениха она потеряла накануне свадьбы, и никто не знает, по чьей вине, может, и по вине этого Султанова.

Катя смотрела на снимок девушки возле березки на фоне заката. А вы, Маша, оказывается, умеете преподносить сюрпризы даже после смерти.

– Вы считаете Султанова виновным в убийстве? – спросила она их обеих – мать и бабушку.

– Вы же его сами задержали. Свидетели какие-то найдены. Он уже сколько сидит там у вас. Но после того, как отец Лаврентий явился сюда, я... Мы не знаем, что думать, – Галя Шелест говорила тихо. – Это такая мука.

– Опишите, пожалуйста, тот день, когда пропала Маша.

– Она не пропала. Все шло, как обычно в выходные, это же праздник. Она встала, позавтракала...

– Галя ей сырников испекла, – вставила Марья Степановна. – День больно хороший начинался – солнечный, ясный. В июне дожди все шли, а это утро такое светлое, веселенькое, словно акварельный пейзаж. А потом снова ливень к вечеру, и какой. Все, все я, старая, помню, одного не помню – как она, девочка наша, за калитку вышла. В туалете я тогда сидела!

– Она собиралась в тот день на ярмарку ремесел. Тут у нас

в десяти километрах соорудили экопоселок, и там ярмарка каждое лето, приезжают со всего Подмосковья на выходные. Она каждое лето там свои работы представляла, продавала. Она молодой художник, талантливый, но с продажами работ сейчас вообще туго. Она использовала любую возможность.

– А как она собиралась туда добраться? Кто-то предложил подвезти?

– У нас тут автобусы. Вон на шоссе, тут пройти поселком до остановки.

– И во сколько она ушла из дома?

– Где-то после двенадцати.

– И больше вы ее не видели?

– Нет. Часа в три она позвонила мне и сказала, что все еще на ярмарке. Мы поговорили, и все. Я до самого вечера и не волновалась особенно.

– И вы ей больше не звонили?

– У нас электричество вырубилось, с этими пробками – беда, а мы машину купили новую стиральную. Мобильный мой даже подзарядить негде было, батарейка села – все как назло. Мы стали волноваться уже, как стемнело. И делать что, не знаем – света нет, сами при свечах на террасе. Я подумала, что Маша там, на ярмарке, встретила кого-то из знакомых художников и, может, в Москву они махнули – в кафе или в клуб ночной. А дозвониться она нам не смогла. Хотя она не очень была настроена на все эти кафе, клубы. Она после смерти Павлика ведь так и не оправилась. Она мало куда

ходила, и веселиться ее особо не тянуло. А потом уже утром нам из уголовного розыска позвонили. Они ее нашли... в Гнилом пруду... бедная, бедная моя девочка.

Галина Шелест не заплакала, не зарыдала, произнесла это как-то без всякого выражения, почти буднично, окончательно со всем смирившись. И Кате от ее тона стало не по себе. Лучше уж рыдания, истерика, чем вот такая сухая констатация факта: «бедная девочка».

– Ваша дочь была красавица, – сказала она. – Этот человек, отец Лаврентий, он ведь... хоть и священник, но все же мужчина, молодой мужчина. Он наверняка видел ее здесь, в городе, и...

– Видел! Да они же были знакомы, – перебила Марья Степановна. – Девушка, милая, вы меня просто изумляете своей наивностью. Это у него Маша в мае получила заказ на роспись, на фрески в церкви. Это ее, можно сказать, и спасло, вывело из той кошмарной депрессии, в которую она погрузилась после смерти Павлуши.

Получается, что отец Лаврентий и Маша Шелест были знакомы? Вот это новость.

Катя внезапно почувствовала, что эта информация чрезвычайной важности, хотя новостью она является, кажется, только для нее одной – чужой в этом Новом Иордане. Все остальные – в курсе. Но, возможно, они не видят самого главного – этой вот пугающей простоты. Священник, отец Лаврентий, сам признался в ее убийстве. Признание пусть

и не царица доказательств, но все же... Если подойти чисто психологически ко всей этой простоте, то что же мы имеем: молодая девушка, одинокая после гибели жениха, и молодой парень в рясе священника. А что под этой рясой? Не то ли, что и у всех? Девушка могла ему понравиться, он мог не справиться с собой.

– Маша получила заказ на роспись церкви? – спросила она. – А ей это сам отец Лаврентий предложил? Когда и где они познакомились?

– На похоронах Павлика. – Галина Шелест секунду помолчала. – Теперь они на кладбище рядом лежат – жених и невеста. Отец Лаврентий служил панихиду. Он новый у нас здесь человек, но как дали ему этот приход и церковь начала строиться, все о нем заговорили – знаете, старушки в магазине, знакомые нашей семьи. Он тогда на похоронах произнес такую проповедь проникновенную, я поразилась, что этот юноша умеет найти такие слова утешения – и все так по-человечески, так тепло. Маша его слушала, плакала. С этого все и началось. Она стала ходить в церковь, там как раз начинались отделочные работы, в часовню. Мы все это очень одобряли, потому как видели, что это ей помогает справиться с горем. А в мае отец Лаврентий попросил Машу сделать две настенные фрески. Денег, правда, больших не обещал, но для молодого художника это что-то вроде старта – первая большая работа, которую увидит много людей. Церковь ведь посещается.

– Почему отец Лаврентий не заказал фрески у вашего мужа? – спросила Катя.

– Мой муж скульптор.

– Понятно. Но ведь есть определенные каноны иконописи, правила, Маша все это знала?

– Кажется, отец Лаврентий не придавал этому особого значения. Он высказал ряд условий, что и как должно быть изображено. И потом, ведь он заказывал не иконы, а настенную роспись. Церковь все еще не открыта, там работы продолжаются. Маша весь май рисовала эскизы, и он их одобрил. Тема Рождества, тема младенца-спасителя. Хотите посмотреть?

– Очень хочу.

– Идемте наверх.

Провожаемые взглядом Марьи Степановны, они направились к лестнице и начали медленно подниматься на второй этаж.

– Это мастерская мужа, а тут вот комната Маши, – Галина Шелест показала на закрытую дверь. – Мы туда сейчас редко заходим. Очень тяжело. Каждая вещь напоминает о ней.

Она нажала на ручку и распахнула дверь. Большое окно без штор, жалюзи подняты. Никаких зеркал, шкафов с барахлом, девичьих туалетных столиков. Стеллажи – битком набитые альбомами, книжками, красками, кистями, рулонами ватмана. Никакого мольберта, как представлялось Кате. Круглый стол посередине, тоже заваленный бумагами, ста-

ренький компьютер.

– Зимой верх отапливать – прямо разорение, – ни с того ни с сего заметила Галина Шелест. – У нас котел в доме, а тепла тут все равно не хватает, хоть и рамы двойные. Вот ее папка с эскизами.

Она вытащила из-под кипы бумаг на столе большую папку. Катя открыла и увидела рисунки – наброски акварелью. Младенец в яслях и вокруг животные с добрыми, почти человеческими «лицами» – овцы, коровы... Так и хотелось сказать – овечки, коровки, ослики. Немножко наивно и слащаво, но сделано с подкупающим старанием в радостных светлых тонах.

– Очень мило, – сказала Катя и оглядела мастерскую.

Высокое окно с широким подоконником, тахта, китайская ширма.

– Извините, а что там за ширмой?

Галина Шелест подошла к стене и отодвинула ширму. На деревянной стене крепилось большое панно – камень, штукатурка.

– Это для тренировки, она переносила сюда эскизы, как уже на стену, как фреску, а потом замазывала, штукатурила. Она бы это потом замазала, это просто эскиз... неудачный.

Катя смотрела на фреску. В центре нарисована тахта – вот эта самая с яркими подушками, а на ней обнаженная девушка с темными кудрявыми волосами. На полу у тахты – труп. Рисунок очень жесткий и натуралистичный, видно было, что

горло трупа в крови. В оконном проеме маячила набросанная углем фигура ангела с крыльями – все очень схематично, кроме крыльев и ангельской прически; кудри были выкрашены в желтый цвет и осенены нимбом. Но не это сразу приковывало к себе взор на этой ученической фреске, лишенной четких очертаний.

Из стены за тахтой со скорчившейся на ней голой женской фигуркой выступала другая фигура.

Черная...

Мощная...

Исполненная первобытной силы.

Что-то обезьянье и одновременно до предела хищное.

Из зловещего комикса, из ночного кошмара, из фильма ужасов.

Воображение тут же подсказывало – зубы и когти, клыки и свирепый оскал.

Но ничего этого фреска не хранила в себе – лишь этот черный силуэт. И на том месте, где должно было быть лицо, не нарисовано красками и углем, а процарапано гвоздем – глаза.

Выколотые и одновременно зоркие, следящие из пустых, процарапанных острием на черном лице дырок-отверстий.

Стережущие и наблюдающие...

– Я не знаю, почему она это нарисовала, – сказала Галина Шелест. – То есть знаю, но не понимаю, как у нее получилось. Так страшно... Это женихи Сарры.

– Что? – переспросила Катя, не в силах оторваться, отве-
сти взор от этой странной фрески.

– Я особо в Библии не сильна, но я ее спросила. Это из
книги Товита – женихи Сарры. Некую Сарру семь раз выда-
вали замуж, но каждый раз демон убивал ее жениха на поро-
ге спальни. И потом бог внял ее мольбам и послал ей анге-
ла в качестве жениха и защитника. Видите ли, Маша видела
некую связь этой истории со своей историей. Я вам говори-
ла – ее первая любовь к этому вашему следователю из про-
куратуры оставила в ней такой шрам, а смерть Павлика за
день до свадьбы нанесла еще одну рану. Девочка проводила
параллели. Говорят, Библия дает ответы на многие вопросы,
если не на все, надо только уметь читать Библию.

– Это Маша так говорила?

– Да, она.

– И давно? А может, это слова отца Лаврентия?

– Скорее всего, так и есть. И этот ее интерес к библейским
историям. И заказы на фрески в церкви.

– Эту фреску ей тоже заказали?

– Нет, это свободный сюжет. Отец Лаврентий заказал две
фрески только на тему Рождества.

– Вы ее спрашивали об этом рисунке?

– Она говорила, что хочет попробовать свои силы и в ко-
миксах тоже.

– Она называла это комиксом?

– Она сказала, что такие вещи приносят деньги. Я ей от-

ветила – может быть, в Америке, где комиксы популярны, но не у нас.

– А отец Лаврентий, он...

– Господи боже, да он так позитивно на нее влиял. Она возвращалась с этой стройки церковной такая деловая, такая спокойная. Мы так радовались, что она наконец-то обрела интерес к жизни, отвлеклась, занялась работой. Мы так были ему... этому священнику за это благодарны. Мы ведь с отцом так и не смогли найти нужных слов утешения для нее. Что я могла ей сказать – что я люблю ее? Что я готова все сделать для ее счастья – погладить ее белье, приготовить ее любимое рагу из овощей, сырники? Что я мечтала, чтобы они с Павликом подарили мне внука? Это все такая банальность. Она отвечала: «Да, мама, спасибо, мама, мне ничего не нужно, мама». А этот священник взял и сказал ей, что ей будет послан ангел – златокудрый и прекрасный, жених и защитник от зла и горя и всех напастей. Если это и ложь, то ложь во спасение. Так я думала тогда. А сейчас, после того как этот же самый человек явился сюда и заявил, что это он... он убил мою дочь... А я видела тело там, в морге, ее бедное истерзанное тело. Послушайте, вы же только сейчас говорили мне, что хотите во всем разобраться.

– Я сделаю все возможное.

– Не смейте его уговаривать отказываться от своего признания! Все эти месяцы я живу как в аду. Думаете, я не знаю, что в городе говорят? У нас тут большая диаспора с Кавка-

за, и они тоже все ждут, чем это кончится. Я иногда боюсь на улицу вечером выходить. А сейчас, когда у вас там сидят в тюрьме и этот Султанов, и священник, то... Кто, скажите мне, кто больше меня, ее матери, хочет справедливости в этом деле? Но мне нужен настоящий убийца. Мне нужна правда.

– Я вам обещаю, – сказала Катя. – Все, что в моих силах.

Галина Шелест оглядела Катю с ног до головы. «Ты? – ясно читалось в ее взоре. – А что ты можешь, что ты собой представляешь, что ты умеешь, чтобы вот так давать мне обещание?»

– Помогите мне вернуть ширму на место, – сказала она. – Я не могу долго на это смотреть.

Глава 9

Vip-зал

– Как долетели, Владимир Маркович?

– Спасибо, нормально, как у нас тут дела?

Рейс Британских авиалиний из Лондона приземлился в аэропорту Домодедово точно по расписанию. Владимир Галич прошел паспортный контроль и тут же попал в руки своего помощника по юридическим вопросам Маковского. Он встречал Галича с букетом цветов, как какую-нибудь рок-звезду, но смуглое лицо его хранило кислое выражение.

– Сейчас введу вас в курс, я успел от Добсона из отеля только в офис заехать, документы в сейфе оставить и сразу сюда, в аэропорт, вас встречать. Пройдемте в VIP-зал, пока багаж привезут, я все вам доложу, какие у нас тут новости на сегодня... – Маковский глянул на свой «Ролекс», – на семнадцать тридцать.

Добсон являлся главой бостонской юридической фирмы, взявшей на себя за рубежом защиту интересов компании «Веста-холдинг», принадлежавшей в прошлом отцу Владимира Галича, основавшего ее с группой соратников-программистов в далеком 1993 году и превратившего из маленькой фирмы по продаже компьютеров в одну из самых доходных российских компаний современных интернет-техноло-

гий, связи и коммуникаций.

– Заседание акционеров состоялось сегодня днем. Все против, даже воздержавшихся нет. Все склоняются к американскому варианту слияния, – сказал Маковский.

Рядом с молодым Владимиром Галичем, вернувшимся из деловой поездки в Лондон в потертых джинсах и бежевой толстовке, он в своем костюме от Армани выглядел таким дядюшкой-франтом молодого оболтуса, скатавшего на выходные на стадион Уэмбли поболеть за «Манчестер-Юнайтед».

Но все дело в том, что Галич до сих пор считался номинальным главой «Веста-холдинга» и держателем контрольного пакета акций, которыми, увы, не мог в полной мере распоряжаться без одобрения совета директоров и совета акционеров компании.

– Никто не хочет ничем жертвовать, считают, что так мы с вами потеряем если не все, то очень многое. Приезжал представитель администрации президента и люди из Министерства связи, им тоже не все равно, как у нас тут дела обернутся, – частил Маковский, ловко направляя Галича к матовым стеклянным дверям зала ожиданий. – Этот из администрации пока помалкивал. Но тут и без слов ясно, что заказа от Роскосмоса и НАСА по новой программе финансирования поставок нам не видать, пока не уладим этот дьявольский спор с бывшими компаньонами вашего отца.

– Они все в Силиконовой долине, – усмехнулся Галич.

– Вот именно что в долине. Там такие волки, Владимир Маркович! Оглянуться не успеем, как кости наши хрупнут на их зубах. Горштейн и компания наняли пять адвокатов из Бруклина здешним своим юристам на подмогу. Так что бой... если дойдет до открытой схватки в суде, обещает стать жарким.

– Это я уже в Лондоне понял, – Владимир Галич оглядел зал, в который они вошли. – Я бы от чашки кофе не отказался.

– Сейчас распоряжусь, они тут быстро обслуживают. По моему мнению, акционеров ваших винить нельзя. Своя рубашка ближе к телу, никто же не виноват, что ваш батюшка покойный Марк Анатольевич оставил такое завещание. Американским адвокатам достаточно озвучить в суде лишь главный пункт, с подачи тех, кто когда-то начинал работать с вашим отцом, создавая холдинг.

– Я никого не виню, и отец был прав, это его воля, он думал о будущем компании. И я подумаю над этим. Но вам, Маковский, не стоит ломать голову над нашими семейными делами. Я плачу вам такие деньги за то, чтобы вы помогли нам сохранить все, несмотря на все юридические препятствия, – Галич смотрел на Маковского сверху вниз. – Итак, что у нас на семнадцать тридцать? Документ подписан?

– Нет.

– Перспектива подписания?

– Пока нулевая.

– Голосовали?

– Против, я же сказал. Против вас. В пользу тех, кто в Силиконовой долине.

– Что вы с Добсоном предпримете?

– Я предлагаю вернуться к уставу компании, оспаривать по пунктам, то есть бить в самый корень, поднять базовые документы девяностых годов, там цепляться за все, что возможно, оспорить условия партнерства, первоначальные доли капитала, вплоть до самого устава.

– Ок, – кивнул Владимир Галич.

– Добсон предлагает более легкий путь – попытаться выполнить условие завещания. Но тут мы целиком зависим от вас.

– Пожалуйста, посмотрите, как там с моим багажом, – вежливо попросил Владимир Галич.

Маковский побежал в зал прилета. Владимир сел на диван у окна, из которого открывался вид на летное поле, официантка принесла ему кофе и сахар в пакетиках. Владимир лениво обернулся и увидел на соседнем диване за столиком с чашкой чая в руке... да, с чашкой зеленого чая в руке, потому что она всегда пила только зеленый... свою бывшую жену Ирину. Рядом стояла детская складная коляска, а в ней спал ребенок.

Владимир ощутил, как кровь бросилась ему в лицо. Если бы она не заметила его, он бы поднялся и, позабыв про суетливого Маковского, про «Майбах», ожидавший его на сто-

янке аэропорта, поймал бы такси и уехал... сбежал. Но Ирина смотрела на него. Вот она встала ему навстречу – высокая, стройная, так похожая на Уму Турман.

– Привет.

– Здравствуй, Ира. Куда летишь?

– К мужу в Буэнос-Айрес. Все прививки Саньке сделали, теперь можно, будем с ним там жить, в посольстве.

Владимир Галич знал, что муж Ирины, к которому она ушла, изменив и забеременев, ныне российский консул в Аргентине и Бразилии. Она была внучкой и дочерью дипломата и в конце концов выбрала дипломата себе в мужа, родила ему сына, а он, Владимир Галич, ее первый муж, любивший ее с четвертого класса, остался один.

– А ты как, Володя?

– Я прекрасно.

– Откуда прилетел?

– Из Лондона.

– Понятно, – она смотрела на него, прищурившись. В коляске спал ребенок – не его сын, а этого консула.

Они в школе с четвертого класса сидели за одной партой. Их так посадила учительница, вроде бы наказала его, Вовку Галича, за шалости. Сидеть с девчонкой! А он влюбился в Ирку, и не существовало дня и часа из тех уже забытых, стершихся из памяти лет детства, чтобы он не мечтал о ней.

Когда девочка превращается в мечту, ваши дела – швах. Когда мечта обретает образ принцессы Грезы, вы уже не при-

надлежите себе.

Тили-тили-тесто – жених и невеста... Нет, в их время в школе уже никто не пользовался такими древними дразнилками. У всех в карманах уже пищали мобильники, и пацаны тайком скачивали порно из Интернета. Голые сиськи весьма котировались.

Когда его старший брат Борис, которому уже исполнилось четырнадцать, спросил его, двенадцатилетнего, напрямик: «Было у тебя с Ирккой?», то он, Галич-младший, лишь покраснел как рак и чуть не умер от стыда. Он так и не ответил брату. Борис так и не узнал, что на тот момент они с Ирккой даже еще не поцеловались ни разу. А потом старшего брата не стало. Его убили.

Ирина вместе с родителями пришла на похороны на Немецкое кладбище.

Все случилось так давно...

И тот их первый детский поцелуй на кладбище за памятником. И вся последующая счастливая жизнь. Эйфория, радость. И свадьба в девятнадцать лет. И дальнейшая их супружеская жизнь. И смерть отца, так и не оправившегося после потери старшего сына Бориса. И вся жизнь, что пришла после... Его любовь, ее жалость, да, жалость – этот суррогат той книжной, небывалой, великой, верной и пылкой любви, его страсть, ее снисходительное дружелюбие, ее разочарование, ее слепая жажда материнства, ее ненасытность, ее похоть, ее жар, его усилия, его слезы, его старания купить, по-

дарить, дать ей все, что она захочет, любые вещи... ее пресыщенность, ее скука, ее отчужденность, ее измена, его ревность, ее беременность от другого, ее уход.

Они развелись два года назад. И она сразу же выскочила замуж за этого своего любовника-дипломата, нынешнего консула в Аргентине и Бразилии. Она даже отказалась от денег, которые он, Владимир, хотел выплатить ей... швырнуть как подачку – на, получай компенсацию за все годы, что прожила со мной, не любя, раз однажды пожалев меня пацаном там, на кладбище на похоронах брата Бори. Она не взяла компенсации. Она просто родила ребенка от другого, а за два месяца до родов зарегистрировала этот свой новый брак.

Он возненавидел ее за это, но никогда даже про себя, даже шепотом не мог ее оскорбить – назвать шлюхой, проституткой, тварью. Язык не поворачивался оскорбить девочку-мечту, сосредоточие всех его желаний.

– А кого ты тут ждешь?

– Багаж, сейчас помощник принесет.

– Слуги у тебя.

– Да, прислуга.

И ты имела прислугу, Ира, когда жила со мной.

– Что-то неважно выглядишь, Володя.

– А ты выглядишь отлично. Можно мне на него взглянуть?

– Нет, он спит.

– Ты счастлива?

– Я очень счастлива, – Ирина улыбнулась так ясно, что у Владимира Галича, как в те далекие времена любви, снова глухо, сладко, страшно заболело сердце.

Ничего не забывается.

Отчего же ничего не забывается?

Кто же все так устроил, запрограммировал, чтобы ничего не забывалось?

– Рад за тебя. И рад повидаться, – он глубоко засунул руки в карманы джинсов.

– И я тоже, может, еще увидимся.

– В Бразилии или Аргентине?

В дверях VIP-зала с сумками и портпледом для костюмов возник Маковский. И тут же замер, узрев рядом со своим молодым патроном его бывшую жену.

– Как судьба распорядится, – она взялась за ручки детской коляски. – Прощай, Володя.

Она осталась стоять у дивана, на фоне панорамного окна, за которым плыли громады авиалайнеров, а он повернулся и пошел прочь через весь зал.

Эта случайная незапланированная встреча с бывшей женой, которую он все еще любил, предвещала что-то плохое, он чувствовал. Это все к большому несчастью. Как и тот детский поцелуй на кладбище украдкой, как и ухмылка брата Бориса, когда он спрашивал, выпытывал с любопытством у него, младшего, подробности «про Ирку».

Но брат Борис так и остался навечно там, в парке среди

желтых листьев и хвои. И сколько он, младший Володька, тогда ни тормозил его, ни звал, ни плакал, все было напрасно. А бывшая жена Ирина улетала к новому мужу, отцу своего ребенка. В какую-то секунду, глядя невидящим взглядом на Маковского, что-то там болтавшего и тащившего вещи к машине, Владимир Галич пожелал в душе лишь одного: чтобы рейс в Буэнос-Айрес разбился. Рухнул в океан – без обломков и масляных пятен.

Без воспоминаний.

Канул в пустоту.

Глава 10

Гнилой пруд и Ордынский лес

Вернувшись на машине в Новоиорданский ОВД, Катя столкнулась со следователем Николаем Жужиным возле дежурной части. И спросила:

– Ну как, теперь мне можно встретиться с отцом Лаврентием?

– Они молятся. С разговором у святых отцов мало что вышло, попросили разрешения на совместный молебен. – Жужин глянул на часы. – Не торопятся заканчивать. И мы их тоже не торопим. Пусть молятся, может, нам раскрытие дела вымолят. Как у вас дела там... у ее родителей?

– Я кое-что узнала о прошлых увлечениях Маши Шелест, – Катя разглядывала маленького сердитого следователя с любопытством.

Что восемнадцатилетняя девушка-красавица в нем нашла? Может, тогда, несколько лет назад, он покорила ее своим суперинтеллектом или, подобно герою-шерифу из вестернов, пересажал, переловил и перестрелял тут, в этом тихом городишке, всех бандитов? Но какие в Новом Иордане бандиты? И как она вообще могла влюбиться в него до такой степени, что держала под подушкой пузырек со снотворным? Тоже мне... метр с кепкой... Профиль свой наполеоновский

задирает, чтобы выше на полсантиметра казаться. Или все дело в самой девушке, представляющей в своем пылком воображении окружающий мир не таким, каков он на самом деле?

И что это дает следствию – вот это самое, что Мария Шелест отличалась богатым воображением? Она же была художница, это естественно.

– Вы ее, оказывается, давно знали, – Катя смотрела на коротышку Жужина с высоты своего роста.

– Поэтому мне не все равно, как это дело закончится и в каком виде предстанет в суде, – Жужин слегка покраснел. – Я вас и направил к ее родителям.

– Вы меня направили? – Катя слегка растерялась от такого апломба.

– Вы же утверждаете, что вы профи по переговорам. Итак, вы справились с поставленной задачей? Вы их успокоили, внушили им, что все это недоразумение с признанием скоро разъяснится?

– Я разговаривала с ее матерью.

Следователь Жужин на это не сказал ничего.

– Я могу посмотреть уголовное дело? – спросила Катя. – Пока этот молебен совместный не кончился?

Жужин кивнул, и они снова вернулись в тот же самый кабинет, но уже не застали эксперта Сивакова. Глянцевый журнал, который он с таким интересом изучал, тоже пропал.

– Вот сегодня вернули с экспертизы в больнице Яковенко,

завтра и Султанова оттуда привезут, – он извлек пухлый том из сейфа. – Можете ознакомиться.

– Простите, еще один вопрос. А что за происшествие в Ордынском лесу? Я слышала, как вы по телефону...

– Костер и два трупа, мужчина и женщина. Личности до сих пор не установлены.

– А время смерти?

– Убийство произошло либо в ту же ночь, либо несколькими часами позже. Сделали вывод по состоянию тел, хотя от них мало что осталось. Сгорели. И по факторам окружающей среды.

– Но по телефону вы сказали, что они... что их кто-то...

– О том, что кого-то в лесу зажарили и съели, написали в Интернете. Есть у нас тут такие писатели. Как мы выяснили, один из этих писателей ученик пятого класса. Улавливаете, о чем я?

– Улавливаю. Дети, они...

– То, что случай криминальный, в этом сомнения нет. Двойное убийство с последующей попыткой сжечь трупы. Но пока по нему никаких подвижек. Даже личности жертв мы установить не можем. У вас еще какие-то вопросы?

– Нет, пока это все, – Катя села на стул и раскрыла пухлое дело.

И время потекло как-то незаметно за чтением протоколов, рапортов и справок.

Протокол осмотра места происшествия.

Фототаблица.

Вот он, Гнилой пруд... Надо бы съездить туда на место – Катя посмотрела в окно: солнце клонится к закату. И тени удлинняются, и вода в пруду остывает, из зеленой, покрытой ряской становится черной как деготь.

Рапорт на задержание по горячим следам... Рапорт подписан лейтенантом Федором Басовым. А задержал он... ага, Султанова задержали в 9.15 на следующее утро. А уже в 15 часов судья подписал ему арест. По каким же основаниям? Что говорят свидетели? Какие на него были собраны улики так быстро?

Она углубилась в материалы. И дело внезапно предстало перед ней в совершенно ином свете. Тридцать два протокола свидетельских показаний, в основном опрошена местная молодежь – друзья, соседи и бывшие одноклассники Марии Шелест. Кроме этого, водители автобусов, торговцы на эко-ярмарке, охранники. Также среди протоколов имелись и рапорты двух сотрудников ППС.

«Конечно, это он ее убил...»

«Руслан это, больше некому».

«У него к ней чувства были, а она его с таким дерьмом при всех смешала...»

«Там, в кафе, мы просто обалдели, когда она в него чашкой кофе швырнула. Он к ней только подошел, а она на него окрысилась сразу как мегера».

«Не подумайте, что она националистка, но он ее достал,

этот черный...»

«Она уверена была, что тогда, на дороге, когда ее Пашка разбился, они специально с Султановым гонки устроили ночью, выясняли отношения. Ну, из-за нее. Султанов же ее тоже замуж за себя звал. Она вбила себе в голову, что там, на дороге, все было нечисто, будто Султанов что-то подстроил – подрезал Пашку или толкнул мотоцикл своим мотоциклом, тот и улетел. Она вбила себе это в голову уже на похоронах. Султанов таскаться к ней стал, а она смотреть на него не могла. Ну и начала выражаться, оскорблять... Нет, я точно не помню, что она там ему кричала, – что-то очень злое. Да, именно на национальной почве. Но и ее можно понять, она чуть не свихнулась, после того как про гибель Пашки узнала. У них же любовь была, свадьба намечалась. Нет, меня они на свою свадьбу не пригласили. Я не настолько близкая ей подруга. Но там, в кафе-кондитерской, я присутствовала. И все видела. Сами ведь знаете: там вечно народу полно, когда свежие пирожные привозят. И в тот вечер, 2 мая, было особенно много народу. Да, в основном молодежь, конечно, все наши. Что там у витрины между ними произошло – между Султановым и Машкой, – я не знаю, не слышала из-за шума, но она вдруг швырнула в него чашкой с недопитым кофе, чуть в лицо не попала, он увернулся. И потом она крикнула: подонок, как ты мне надоел! А затем по-всякому его... Да, и матом, да, были и оскорбления на национальной почве – про всех них и весь их «аул». Она орала на него с такой злобой.

И он ее толкнул, нет, даже ударил. А тут все сразу начали тоже орать. Потом откуда-то появились ребята – к кафе на мотоциклах, на машинах всегда подъезжают. И почти сразу явилось несколько кавказцев. Началась общая драка у кафе, я испугалась и побежала домой».

«Я видел, как дрались у кафе, но сам не участвовал. Нет, угрозы со стороны Султанова в адрес Маши Шелест я не слышал. Ему не до того было, так их много там валялось».

«Я слышала, как он, то есть Султанов Руслан, кричал Маше: УБЬЮ ТЕБЯ, ЗАРЕЖУ! Где это было? Там, в кафе, после того как она в него чашкой запустила, обварила его кипятком. Я сама ничего не знаю, но девчонки из магазина болтали, что у них все так запуталось – Султанов с ней гулять хотел, а она с Пашкой встречалась, потом Пашка погиб по вине Султанова, хотя это ДТП дорожное замяли, папаша Султанова, наверное, гаишникам в лапу дал. Нет, я сама лично не видела, как он давал взятку, но в городе говорят. А Султанов Руслан после всего этого еще и домой к ней начал ходить, мол, я такой крутой, круче некуда, все равно моей будешь. Они на Кавказе ведь упорные. А она его матом – куда подальше. Так разве эти джигиты такое обращение с собой потерпят? Естественно, это он ее убил, дождался случая удобного и зарезал. А труп в воду».

«Я была свидетельницей той драки в кафе «Кофемания». Они все точно с цепи вдруг сорвались, я как-то пыталась их успокоить, кричала им из-за стойки – перестаньте, прекра-

тите. Думала, что витрину всю разобьют и кофеварку на пол свалят. Эта девушка... Мария, дочка скульптора с улицы Октябрьской, она же все это начала. Этот парень Руслан, войдя в кафе, подошел к витрине, где она стояла, – я как раз кофе ей подавала. У нас самообслуживание, официанток не держим, так демократичнее. Он ей что-то сказал, а она обернулась и начала ни с того ни с сего его оскорблять: пошел вон отсюда... обозвала его «кавказской мордой»... Такая злоба, и мне непонятно было, чем это вызвано – такая агрессия. Парень опешил, потом ответил ей, а она в него бросила этой самой чашкой с горячим кофе».

Подобных свидетелей набралось двадцать человек. Катя внимательно просмотрела все протоколы допросов – почти все повторяли одно и то же. Водители автобусов, курсировавших между Новым Иорданом и экоюрмаркой, были допрошены для проформы. Ни один из них не мог сказать точно, была ли в тот день среди многочисленных пассажиров девушка, похожая на Марию Шелест.

Зато почти пять свидетелей из числа торговцев экоюрмарки узнали по фотографиям Руслана Султанова. У одного из торговцев тот покупал дыни. И время совпадало – после обеда. Катя вспомнила, что сказала мать Маши, – та звонила ей с ярмарки около трех часов дня.

Рапорты сотрудников ППС, прикомандированных к посту у въезда на экоюрмарку, сообщали о том, что примерно в 15.45 автомашина джип черного цвета, госномер... поки-

нула территорию рынка.

«Эта машина нам хорошо известна, на ней ездит владелец торгового центра «Ваш дом», но чаще его сын Руслан. Кажется, в салоне рядом с водителем находился пассажир, но точно разглядеть не представилось возможным, потому что окна тонированные, да мы в тот момент особо и не приглядывались».

Катя подумала: естественно, патрульные в тот момент не приглядывались, столько народу на ярмарке, машину узнали, что называется, «по привычке», всем местным она примелькалась в городке. И только потом, когда стало известно об убийстве, они вспомнили.

Она закрыла дело. И это все? Никаких вещественных улик на арестованного парня, лишь свидетельские показания. Та драка 2 мая... И то, что все свидетели в один голос практически твердят, что у Султанова имелся веский мотив для убийства – неприязненные отношения, месть и...

Черт, но половина этих свидетелей показывает также, что этот Султанов прежде «звал Марию замуж». Ревность? Обида за оскорбления? Или еще что-то... Страх, что ей известна правда о том, что та авария на ночной дороге не была случайностью, что ее жених не просто погиб, а его убили, убрали с пути?

Но тогда где же тут место признанию отца Лаврентия? При чем здесь священник?

Следователя Николая Жужина она отловила возле дежур-

ной части, в начале коридора, ведущего в изолятор временного содержания.

– Возвращаю вам дело, спасибо. А та драка 2 мая у кофейни...

– Обратили внимание в показаниях? Правильно сделали, с нее многое начинается. Возможно, со временем мы даже объединим эти уголовные дела – хулиганские действия и последующее убийство. К сожалению, она... потерпевшая, сама спровоцировала ту массовую драку на почве национальной розни. Довольно опасный прецедент. – Жужин забрал дело. – Что из чего вытекает, должно стать понятным в суде. Есть вещи, которые люди, живущие в пределах видимости Эльбруса и Бештау, не прощают. Парень мог как угодно в прошлом к ней относиться, даже очень хорошо, даже любить, но если в его адрес ею были сказаны такие слова, как записано у нас там, в протоколах об этой массовой драке, он должен был как-то отреагировать. Иначе соплеменники его бы не поняли. Вот он и отреагировал соответствующим образом.

– Но Султанов в убийстве не признался. Там вообще только два протокола его допроса и везде одна и та же запись: «От дачи показаний отказываюсь».

– Иногда это самый верный способ защиты. Чем меньше говоришь на следствии, тем меньше путаешься в своих словах.

– Но вы на него и материальных улик не добыли – ничего

нет в деле: ни следов крови в его машине или на его одежде.

– Мы искали очень тщательно, не нашли. Отсюда следует вывод – умный преступник, дальновидный и осторожный.

– Но вы...

– Мы выяснили главное – у Султанова на момент убийства, на весь тот вечер с 17 часов и на всю ту ночь до утра, когда его дома задержали, нет алиби. Вы на это обратили внимание?

Катя спохватилась – это она пропустила в показаниях.

– Там лишь протокол допроса его матери, которая подтверждает, что он весь тот вечер находился дома. А это не алиби. Какая мать так не скажет, когда сына подозревают в убийстве? Нет алиби и есть веский мотив, над остальным мы пока работаем, – Жужин вздернул подбородок. – Расследование не окончено, а тут этот поп со своей... я даже затрудняюсь это назвать – фантазией, шизофренией. Да нет, нормальный он!

– Молиться они закончили?

– Закончили. Те, от архиепископа, уехали. А он вернулся в камеру. Он не хочет никаких контактов. Вы зря потратили время, приехав сюда. Вряд ли вам удастся побеседовать.

– А завтра? – спросила Катя.

– Завтра я целый день работаю со свидетельской базой по отцу Лаврентию.

– Вы отыскиали свидетелей?

– А вы думаете, мы тут сложа руки сидим? Я уже всем

позвонил и отправил с оперативниками повестки. Так что завтра с утра начнем...

– Мне присутствовать можно?

– Как хотите.

После этого равнодушного напутствия оставалось только одно – вежливо попрощаться: до завтра.

– Куда вас отвезти? Домой поедем в Москву? – осведомился главковский шофер в машине. – Я тут уже седьмой сон вижу, вас дожидаясь.

– Да, домой... Ой нет, подождите, у меня тут еще одно поручение.

Усталая Катя действительно вспомнила и о другом поручении полковника Гущина. Федор Басов, охранник на стоянке торгового центра. Какой в нем прок, раз его уволили? Но все же Гущин просил, и раз она здесь, в Новом Иордане...

– Заедем сначала в торговый центр – вот у меня тут записано: «Планета».

Однако на стоянке у торгового центра «Планета» Катя узнала, что охранник Басов уже успел смениться. Тогда Катя протянула водителю бумажку с домашним адресом этого типа. И через пять минут (в Новом Иордане все расстояния укладывались в пять-десять минут) они уже въехали в квартал блочных «хрущевок», окруженных буйно разросшимися палисадниками. У въезда во двор пыхтел мусоровоз.

– Я не знаю, сколько тут пробуду, – Катя с тоской смотрела на окна: что еще выдумал полковник Гущин, зачем ей этот

уволенный остолоп? – Вы езжайте, я сама потом как-нибудь доберусь.

В дверь нужной квартиры она звонила очень долго. Никто не открывал, и она внутренне возликовала: дома никого. И зачем только машину служебную отпустила? Теперь на автобусе до метро трястись, но это ничего. Главное – «их дома нет», так она и доложит завтра полковнику Гушину.

Но тут в квартире что-то грохнуло, за дверью завозились, щелкнул замок без обычного пугливого окрика «Кто там?», и Катя узрела голый мужской торс.

Сначала только это, потому что торс и плечищи заслонили собой весь дверной проем, нависая мускулистой громадой. «Весь татуированный!» – испугалась Катя.

А потом глянула в маленькие глазки обладателя роскошной мускулатуры.

Он был очень молод, но казался старше своих лет из-за массивности фигуры. Рельефная мускулатура как-то странно сочеталась с полнотой – он производил впечатление толстого парня! Что-то медвежье, медлительное в облике, и вместе с тем он здорово походил на актера Траволту из старинного «Криминального чтива» – вот только волос до плеч не носил, стригся коротко.

– Здравствуйте, – пропищала Катя, внезапно ощущая себя маленькой и слабой, как комарик перед горой. – Вы Федор Басов?

Он пялился на нее, как ей показалось в тот момент, тупо.

Маленькие медвежьи глазки сонно моргали, одной рукой он уперся в дверной косяк, а другую держал за спиной, что-то там пряча.

– Я Басов.

– Капитан Петровская Екатерина из Управления подмосковной полиции, я по делу об убийстве девушки, тело которой вы обнаружили в Гнилом пруду, – Катя старалась сразу «подавить», «сразить» его обилием сведений о себе, но поражалась, как противно тонко звучит ее голос сейчас. – Мне надо с вами поговорить, мне сказали, что вы окажете любую нужную мне помощь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.